

ЕВГЕНИЙ ТОКТАЕВ

ДЕЗЕРТИР

Евгений Токтаев

Дезертир

<https://litres.ru/74024359>

SelfPub; 2026

Аннотация

О том, как сложно и как просто выбрать сторону в братоубийственной войне.

О знаменитом фракийце, который фракийцем не был.

О его подвигах и злоключениях за двенадцать лет до побега нескольких десятков гладиаторов из школы Лентула Батиата.

Содержание

Пролог	5
Часть первая. Подозрительные лица	26
Глава 1	26
Глава 2	66
Глава 3	97
Глава 4	129
Конец ознакомительного фрагмента.	143

Евгений Токтаев

Дезертир

*"Нет, нет! Он бежал из наших легионов, –
раздался громкий голос, – нельзя давать свободу
дезертиру!"*

Рафаэлло Джованьоли.

*"Он и был фракийцем и не был им."
Коллин Маккаллоу.*

Пролог

Испания, Тарракон¹, весна 672-го года от основания Города²

Облако было похоже на большого пса. Зверь лежал, уронив голову на передние лапы, а над ним склонилась светловолосая девушка в длинной белой рубахе, перехваченной тонким пояском. Девушку Квинт дорисовал мысленно, а затем она ожила, бросив его в объятия воспоминаний...

– Ну чего ты тут разлегся, лежебока? Три раза прыгнул и устал? Давай, вставай, Спарт, ты же еще не старый дед, только прикидываешься!

Немигающим взором Квинт смотрел в небо, наблюдая, как девушка игриво треплет густой теплый мех, бурый с серебристым отливом.

Пес лежал неподвижно, всем своим видом показывая неудовольствие от бесцеремонного тормошения, но то было притворство, пушистый хвост выдавал его с головой – мел себе пыль туда-сюда. Девушка притянула широкую морду Спарта к своему лицу и поцеловала в нос. Пес лизнул ее в щеку.

– Почему ты зовешь его Спартом, "Посеянным"? – спро-

---

¹ Современный город Таррагона в Каталонии.

² От основания Рима. 81 год до н.э.

сил Квинт.

Они общались, мешая греческие и фракийские слова, которых центурион, теперь уже бывший, немало успел запомнить за осень. Берза не очень хорошо знала язык элинов, поэтому Квинта сначала удивило имя пса. Потом оказалось, что слов, начинающихся на "спарт", и в языках фракийцев немало.

Девушка повернулась, всплеснула руками.

– Куда хоть ты вскочил-то? Иди в дом, тебе лежать надо, совсем же еще слабый!

Квинт упрямо помотал головой, но ноги действительно не держали, и он уселся на землю, привалившись к старым потрескавшимся бревнам сруба полуземлянки. Девушка подошла, присела рядом.

– Его имя Спартопол, я просто привыкла звать покороче.

Спартопол. Это значит – "с проседью". Что ж, ему подходит, но Спарт действительно звучит лучше. Мужественнее. Когда-то так звали воинов, выросших из зубов дракона, посеянных героем Кадмом, основателем Фив.

А еще в своре охотника Актеона, загрызшей хозяина, превращенного Артемидой в оленя, был пес по имени Спарт...

Иногда Берза звала его Добрым волком. Он защищал хозяйку до последней капли крови, когда пришли другие волки. Двуногие. Ему удалось разорвать горло одному из пришельцев, за это остальные не оставили на нем живого места. И все же, когда Квинт нашел его, Добрый волк еще дышал.

Квинт опустился перед ним на колени, провел ладонью по меху. Пальцы коснулись липкой влаги.

Спарт открыл глаза, увидел Квинта. Узнал. Попытался приподняться, но не смог. Он смотрел на человека с отчаянной мольбой, словно хотел что-то сказать. Как страшно было ему умирать немым, зная, что случилось с хозяйкой, и не имея возможности ничего рассказать другу.

– Она жива, Спарт. Ее увезли. Она сопротивлялась. Я найду ее, обещаю, – прошептал Квинт.

Пес закрыл глаза. Бок его взымался все реже.

– Чего ты там шепчешь, пиратская мразь?!

Чьи-то пальцы вцепились в подбородок и рывком повернули лицо, заставляя Квинта вернуться к реальности.

– Своим варварским божкам молишься? – изо рта небритого легионера-классиария³ несло луком. Он злорадно скалился, демонстрируя ряд крепких и ровных, хотя и не очень белых зубов, – давай, давай, молись. Только не помогут тебе твои боги. Скоро на кресте будешь висеть.

Легионер отпустил челюсть Квинта, выпрямился и обвел взглядом всех пленных, связанных и сидящих на палубе вокруг средней мачты "Реи Сильвии", большой квинкверемы, идущей во главе отряда из четырех кораблей в Тарракон, столицу Ближней Испании.

---

³ Классиарии – матросы в римском флоте. Легионеры-классиарии – морские пехотинцы. Иногда их еще называли либурнариями, от слова «либурна» (небольшое парусно-гребное судно с одним или двумя рядами весел, использовалось иллирийскими пиратами, а впоследствии было заимствовано у них римлянами).

– Скоро все будете висеть, ублюдки.

– Ты чего тут шумишь, Нумерий? – одернул легионера подошедший центурион, – кто тебе разрешил разговаривать с пленными? К связанным цепляться ты всегда у нас первый, в бою бы такое рвение. Вешать пиратов собрался? Это привилегия Луска, тебя он вряд ли спросит. А ну, двигай отсюда.

Легионер потупился и отошел. Центурион наклонился к Квинту.

– Ты, как я погляжу, не из киликийцев или гречишек. Бледноват. Иллириец или фракиец? Так вот, фракиец, если ты там не молитву шептал, а проклятия на наши головы, так это зря, уж поверь мне. Не будь я Тит Варий Дециан. Не помогут проклятия. На мне вся ваша удача закончилась.

– Нету у нашей удачи конца, – буркнул сидевший слева от Квинта пират, – потому что она не мужик.

Он был обладателем не слишком массивной, но рельефной и красивой мускулатуры, длинных, чуть выющихся, светлых волос и в другой ситуации непременно выделился бы мужской красотой и статью, но теперь выглядел сильно помятым.

– Заткнись, Аристид, – прошептал Квинт, – не зли их.

Аристид ощупывал языком кровоточащую десну, недавно распрощавшуюся с двумя зубами. Заплывшего правого глаза не было видно на фоне здорового фиолетового фонаря. Услышав свое имя, он недовольно скривился.

– Без имен...

– Ты у нас так знаменит? – хмыкнул Квинт, – боишься, что набежит толпа поклонников, когда опознают?

– Просто не люблю, когда мое имя римляне облизывают своими погаными языками.

Квинт мрачно покосился на него, но ничего не ответил. Сказать по правде, свое имя он тоже совсем не жаждал называть. Если узнает отец, до чего докатился сын – умрет от стыда и горя. Остается надеяться, что их просто прикончат без дознаний. Наверное, это к лучшему. Он очень устал. Устал жить.

Стоило опустить руки, как память немедленно встряхнула за шиворот, презрительно плюнув:

"Я найду ее, обещаю".

Он не нашел Берзу. Не сдержал слово.

Квинт снова посмотрел вверх. Облако медленно таяло в вышине, теряя сходство со зверем. На востоке небосвод темнел, приобретая фиолетовый оттенок. Солнце клонилось к закату, разливая по небу охру и превращая высокие кучевые облака в глыбы розового мрамора, светящиеся изнутри. Вдали уже показался берег, белые стены Тарракона.

Наверное, со стороны сейчас открывается отличный вид: несколько кораблей идут один за другим по зыбкой границе переливающейся золотом солнечной дорожки. Красиво.

Какая чушь в голову лезет...

"Собрался сдать себя смерти, Квинт Север?"

"Я устал. Кубарем качусь с горы в пропасть и не могу остановиться..."

"Устал бороться? Не выйдет. Барахтайся, щенок! Ты можешь все!"

– "Актеон" вырвался, ушел. Эвдор нас не бросит, – проворчал пират, сидевший справа, – выручит.

– Мечтай, – мрачно усмехнулся Аристид, – это Тарракон. Тут римлян столько... Больше только в Риме. У Анния Луки здесь два легиона и куча вспомогательных когорт.

– Вранье.

– Зуб даю.

– Скоро совсем без зубов останешься.

– Ладно, не стану спорить. Ты прав. Эвдор, без сомнения, их всех заберет в легкую. Не иначе как запустит молнию из задницы.

– Бьяддица бгав, – прогундосил еще один пират со сломанным когда-то давно носом, – каюк дам бсеб. Пгибьюд да кьест.

– Вы чего тут раскудахтались? – рявкнул вновь подошедший центурион, – ну-ка, закрыли рты!

Через полтора часа "Рея Сильвия" подошла к главному пирсу Тарракона. Гребцы втянули весла внутрь. Борт, защищенный двумя толстенными канатами-гипозомами, соприкоснулся с заросшей мидиями и зелеными водорослями стенкой, о которую разбивались морские волны. Матросы укрепили причальные концы на вмурованных в камень

бронзовых тумбах-тонсиллах. Опустили сходни.

Неподалеку от городских стен раскинулся лагерь, вместивший сразу два легиона. Именно здесь сейчас располагалась ставка наместника Ближней Испании, коим в настоящее время являлся проконсул Гай Анний Луск. Резиденция в Тарраконе пока пустовала. Сюда, в Испанию, перекинулось пламя гражданской войны, которая в самом Риме, в Италии, уже отгорела. Прежний наместник, Квинт Серторий, объявленный вне закона, бежал, а новый отправился в погоню и даже в городе толком еще не успел побывать.

– Пиратов в лагерь, – распорядился Дециан, – там хорошая клетка для них есть, пусть посидят. Я в преторий.

– С отчетом? – поинтересовался опцион⁴, – Луска скорее всего нет.

– Я вижу, – кивнул центурион, – гавань пустая. Ничего, я уверен, он тоже скоро вернется.

– Куда тогда торопишься, Тит?

– Спихну этих ублюдков на Лидона, пускай он с ними возится.

– А стоит ли вообще возиться? – спросил опцион, – не лучше ли их... того...

Он красноречиво провел пальцами по горлу.

– Ты что, дурак? – удивился Дециан, – зачем мы тогда за

---

⁴ Опцион – заместитель центуриона, которого тот имел право назначить сам. Optio (лат.) – «свободный выбор».

ними гонялись? Это же киликийцы. Какого оркова⁵ хера они вообще тут делают? Нет, засранцев следует тщательно допросить. Вот этим Лидон и займется. По его части. Прикончить всегда успеем.

Он указал пальцем на Аристиду.

– Главаря за мной. Сразу Лидону покажу. И еще разговорчивого фракийца.

Сколько лет Тит Варий знал своего старого приятеля Тиберия Лидона, у того всегда кончики пальцев были измазаны чернилами. Вот и сейчас, еще не откинув полог штабной палатки-претория, Дециан готов был поспорить, что Лидон, как водится, пачкает папирус или царапает стилем по восковой табличке. Он не ошибся. В приемном отделении палатки, за которым располагались личные покои ныне отсутствующего военачальника, стоял стол, а за ним сидел худощавый плешивый человек лет сорока пяти, одетый в темно-красную тунику. Обставившись масляными лампами, он что-то писал в развернутом свитке, края которого были придавлены несколькими монетами.

– Привет, Тиберий, – поздоровался Дециан.

– Уже вернулся? – не поднимая головы, спросил плешивый.

– Как видишь.

– Как успехи?

– Наш беглый проконсул дал деру, не приняв боя. Луск,

---

⁵ Орк – бог подземного мира, владыка царства мертвых в римской мифологии.

я смотрю, еще не вернулся, стало быть, преследование затянулось.

Дециан взял одну из монет, повертел перед глазами. Лидона он знал почти десять лет. За это время тот не только распрощался с шевелюрой, но чуть ли не другим человеком стал. Сдержан, невозмутим. И раньше такое в нем просматривалось, но теперь и вовсе в мраморную статую превратился. Дециан похвалялся подвигами, и попытался было подтрунивать над канцелярской мышью, но смутить его не смог. Тиберий мало рассказывал о себе, зато очень внимательно слушал словесный понос центуриона, уставшего от однообразия службы и искренне радовавшегося знакомцу.

– Положи-ка на место, – попросил Лидон, – и, кстати, почему ты вернулся один? Где Луск?

– Мы разделились. Я прошерстил море к северу от Питиусы⁶. Правда в сети попалась только мелкая рыбешка. Я как раз по поводу нее и пришел. Хочу, чтобы ты побеседовал с пленными, у тебя это всегда хорошо получалось.

Тиберий Лидон, корникуларий, сиречь начальник канцелярии легата, оторвался, наконец, от своего папируса и посмотрел на центуриона.

– Что-нибудь интересное?

– Думаю, да. Я поймал киликийцев.

– Киликийцев? Здесь, у берегов Испании?

– Я тоже удивился, потому и не отправил их на дно, а при-

---

⁶ Ибица.

ташил сюда. В сущности, какие-то оборванцы. На их посудине не нашли ничего ценного, кроме обычного пиратского барахла, снятого с захудалых купчишек. Чего их сюда занесло, в такую даль? Чует мое сердце, неспроста они крутились возле Сертория, ой, неспроста.

– Ты давай, рассказывай. С самого начала, с подробностями. Знаешь ведь, для меня нет мелочей, не стоящих внимания.

– Ну, что рассказывать? Мы-то думали, что Серторий дал деру на юг Испании, но разведка доложила, что местные его там не видели. Как сквозь землю провалился. Знаешь, где обнаружился?

– Где?

– На Питиусе. С дозорной либурны видели возле острова множество мачт и в море вокруг несколько посудин болтались. Ну, кто там еще может быть в таком количестве? Не рыбаки же. Лоханки все немаленькие. Луск, естественно, вознамерился Сертория оттуда выкурить, встали на ночлег у берега, прямо напротив острова, чтобы, значит, наутро подойти к нему. Но налетел шторм и десять дней мы не могли даже носы высунуть из безопасной гавани.

– А когда шторм стих, Сертория на Питиусе не оказалось, – предположил Лидон.

– Какой ты догадливый... Да, не оказалось.

– Что, он прямо в бурю сбежал? Или все же разведчики ошиблись?

– За разведку я ручаюсь, там у меня один знакомец, у него глаз верный и желаемое за действительное он никогда не выдает.

– Стало быть, рискнул. А может, просто потонул?

– Может и потонул, – кивнул Дециан, – вот если Луск ни с чем вернется, я, пожалуй, тоже стану числить Сертория в утопленниках.

– Ладно, предположения будем строить потом. Стало быть, Гай Анний послал тебя искать беглецов на севере?

– Да. Только не меня одного. Несколько отрядов, по три-четыре корабля. А сам пошел на юг. Я пробыл в море два дня, да так далеко залез, что берега не видел, чуть совсем не потерялся, думал уже возвращаться. Есть у меня один парень, глаз, как у орла, он-то их и разглядел.

– Кого?

– Пиратов. Мачты к северо-западу.

– Мачты?

– Ага, паруса свернуты, видишь ли, им ветер неудобный был. Они к берегу шли. Судно, особенно небольшое, если без парусов идет, сложно разглядеть. Так этот мой парень...

– Я уже понял, какой он у тебя глазастый, давай дальше. Почему ты сразу решил, что это пираты?

– Не сразу. Но надо же проверить, мало ли. Они приближались со стороны открытого моря, и я знаешь, что подумал?

– Что?

– Штормом их отнесло далеко в открытое море. Они воз-

вращались к берегу, но едва нас заметили, как повернули на север. А ветер как раз в этом направлении попутный, я уже под всеми парусами иду. Пока они свои ставили, приблизился.

Из рассказа Дециана выходило, что удирали от него два совсем небольших суденышка. Одним из них оказался шестнадцативесельный акат. Судно, в общем-то, не военное. Купцы на таких ходят, из тех, что позажиточнее и может позволить себе кормить команду гребцов. Хорошая посудина, не чета парусникам. Не страшен штиль и всегда есть неплохие шансы убежать от пирата. Сначала Дециан даже и мысли не допустил, что акат может иметь отношение к серторианцам и, скорее всего, не стал бы его преследовать. Если бы не идущее рядом второе судно, в котором римляне с немалым удивлением опознали любимую киликийскими пиратами гемииолию.

– Гемииолию? Что это? – переспросил Тиберий.

– А это, дружище, весьма хитроумная штука. Можно сказать, на ней все разбойное могущество киликийцев построено.

При всех своих талантах, человеком Лидон был сугубо сухопутным, тогда как Дециан, прослужив в классиариях с тех самых времен, как Гай Марий допустил в легионы бедняков, считал себя настоящим морским волком. Центурион любил поговорить о морских делах, особенно, когда среди собеседников не было моряков, которые могли бы высмеять те небы-

лицы, которые он иногда развешивал на ушах доверчивых слушателей. Впрочем, в этот раз он не стал ничего сочинять сверх меры.

Несколько веков назад киликийцы осчастливили пиратское братство изобретением. Взяли судно с двумя рядами весел, убрали половину скамей-банок верхнего ряда, освободив носовую часть, настелили там сплошную палубу. Получилась гемиолия. Отличное оружие в умелых руках. В погоне за добычей гребли полтора ряда весел. На открытой носовой палубе собирались застрельщики, которым не мешались банки под ногами. При сцеплении с жертвой верхние гребцы бросали весла и также вступали в бой, а нижние готовились в случае неудачи проворно отработать назад. В государственных флотах гемиолии не применялись, там в ходу была гигантомания.

Кормчий "Реи Сильвии", сицилийский грек по происхождению, оценив опытным взглядом пиратское судно, заявил центуриону, что там около шестидесяти гребцов. А на квинкверемах римлян – по триста.

Римляне поставили все паруса. Квинкверемы имели три мачты, считая носовую наклонную, под малый парус-долон. Либурны – двухмачтовые.

– Ну, значит, погоня началась. Вижу, гемиолия держит дистанцию. Хотя там впятеро меньше гребцов, но и судно гораздо легче, подвижнее квинкверемы. У нас ведь и машины и стрелковые башни. А вот акат начал отставать. У него

и гребцов совсем мало и паруса небольшие, особенно носовой долон левантийского покроя, треугольный, именуемый акатионом. Он хорош для маневрирования, но не способен обеспечить большую скорость.

– Ты не отвлекайся, про особенности разных парусов как-нибудь в другой раз расскажешь. Дальше что?

– Что дальше... Я занялся акатом. "Рея Сильвия" и "Теллур" взяли его в клещи, зашли с обоих бортов. Я пиратам кричу – сдавайтесь, а они отвечают, что, дескать, мы мирные купцы.

– Может они действительно мирные купцы?

– Ха! Тогда я царь египетский!

– Ну и как, сдались?

– А куда им еще деваться? Вожак у них все пытался отбраться. Так утомил своими стенаниями, что пришлось ему в глаз разок заехать. Меня ведь не проведешь. Я пиратскую мразь за милю чую. Всех их согнали на "Рею Сильвию", три десятка моих классиариев сели на весла аката, ну и домой пошлепали.

– А гемиолия? – спросил Лидон.

– А-а... – махнул рукой центурион, – плюнул я на нее. Не догнать. Опять слишком сильно от берега отошли, а и ветер стал снова крепчать. С нашей мореходностью только и встречать бурю в открытом море...

– Я, конечно, не моряк, чтобы советовать, да и сделанного не вернешь, но что, если ты совсем уж мелкую рыбешку

поймал? Бестолковую? А крупная ускользнула?

– Да тебе для допроса народу за глаза хватит.

– Может и хватит, только не все могут рассказать нечто ценное. Ладно, чего впустую рассуждать. Давай глянем на твой улов.

– Я привел двоих, – сказал Дециан, выглянул из палатки и приказал ожидавшим снаружи конвойным легионерам, – заводите.

Ввели пиратов. Лидон встал из-за стола, обошел его и присел на край, сложил руки на груди, с интересом рассматривая пленных.

Один – муж в самом расцвете сил. Лет тридцать пять на вид. Гладко выбрит, причем бритва отменной остроты прошла по его лицу всего пару дней назад, и щетина только-только проявилась. Выглядит неважно. Видно, что в глаз ему заехали вовсе не разок. Видать и ногами попинали.

Другой – полная противоположность. Он бородат. Борода не слишком длинная, аккуратная. Стало быть, не отпускает ее расти, как придется, тоже следит за собой, как и первый. Она несколько скрадывает возраст, но все равно видно, что ее обладатель тоже достаточно молод. Бритый – в эллинском хитоне и кожаной безрукавке поверх. Бородатый одет в длиннорукавную фракийскую рубаху и войлочную шапку со сбитым вперед верхом. Никаких украшений, цепей, наборных поясов или браслетов. Хотя, может быть, здесь уже легионеры потрудились.

Дециан шагнул к Аристиду и негромко произнес:

– Если на этот раз не будешь причитать, что ты несправедливо задержанный купец, упростишь жизнь и себе и нам. Может даже получится так, что оная жизнь впереди у тебя не так уж и коротка.

– Не буду, – пообещал Аристид.

– Вот и славно. Ну тогда рассказывай, кто ты такой?

– Несправедливо задержанный купец, – бодро ответил Аристид.

– Остроумно, – отметил Тит Варий и впечатал кулак в солнечное сплетение Аристида.

Тот согнулся и прохрипел:

– Я же не причитал...

– погоди, Тит, – остановил центуриона Лидон, – успеешь кулаками помахать. Это жоак?

– Он самый.

– Вряд ли киликиец, – поделился наблюдениями корникуларий, – в тех краях говорят на "александрийском" диалекте, да еще часто сдабривают речь словечками азиатов. А этот говорит, как коренной афинянин.

– Ишь, ты, – восхитился центурион, – всегда поражался, как это ловко у тебя выходит.

Когда Аристид продышался и выпрямился, корникуларий подошел к нему и заглянул в глаза. Смотрел долго, не говоря ни слова. Аристид не выдержал, попытался отвести взгляд, но столкнулся с испепеляющим взглядом Дециана. Ли-

дон усмехнулся и посмотрел на второго пленника.

В отличие от Аристида, державшегося с показной бравადой, Квинт стоял с каменным лицом и смотрел прямо перед собой, казалось, не замечая никого и ничего вокруг. Лидон некоторое время изучающе рассматривал и его. Затем спросил Дециана:

– Как ты думаешь, какого роду-племени этот человек?

– Фракиец, – пожал плечами Дециан, – или далмат, или...

– Это потому что он так одет? – усмехнулся Лидон, – боюсь огорчить тебя, друг Тит, но нацепить эти тряпки мог кто угодно. Кстати, с вожаком все понятно, а этого ты зачем при-тащил?

– Они часто пытались переговариваться. Да и вообще, фракиец время от времени чего-то бормотал. Я подумал, разговорчивого легче колоть.

– Правильно подумал. На каком языке бормотал-то?

– Я не вслушивался.

Лидон приблизился вплотную к пленнику и спросил:

– Говоришь по-гречески?

Тот и бровью не повел.

Лидон усмехнулся и задал следующий вопрос:

– Квис селб?

"Фракиец" вздрогнул, его взгляд заметался было, но быстро успокоился. Опять ничего не сказал.

Лидон терпеливо ждал, слегка улыбаясь.

– Что ты его спросил? – влез Дециан.

– Кто он такой.

– Ты знаешь их язык? – удивился центурион.

– Забыл разве? Я же родился в Брундизии, а там всегда полно купцов из Иллирии. Мои первые судебные тяжбы касались торговых споров.

Лидон улыбнулся Квинту еще шире.

– Ты ведь далмат, верно?

Квинт медленно, словно через силу, кивнул.

– Далмат, – повторил Лидон, – совсем не обязательно пират, обычный моряк или купец. Купец? Терг?

Квинт снова кивнул.

– Отлично, – сказал Лидон, вернулся к своему столу и опять уселся на край, – итак, что имеем: эллин с правильным афинским выговором и некто, выдающий себя за купца-далмата, но таковым не являющийся.

– С чего ты взял? – удивился центурион.

– С того, дорогой Тит, что на языке далматов вопрос "кто таков" звучит иначе. "Кос селбой". Купец – "тертигио", а во все не "терг". Ты никакой не далмат, парень, – удовлетворенно заявил Лидон, – я с тобой на языке западных фракийцев говорил. Видишь ли, я его тоже немного знаю. Совсем немного, но пока хватало. А ты ведь понял меня? Вижу, понял, глаза забегали. Я еще пару языков знаю. Так, лучше-хуже. По крайней мере, услышав их, опознаю. Это к тому, чтобы ты больше ничего не сочинял.

Он помолчал немного, провел языком по зубам.

– Значит, так. Утро вечера мудренее. Разговаривать мы будем завтра. Тит, посади их отдельно друг от друга. Пусть пока подумают.

– Хорошо.

– Да, – сказал вдруг Лидон, – какое-то неполноценное знакомство у нас вышло. Меня зовут Тиберий Лидон. Теперь назовитесь вы.

Аристид мрачно посмотрел на Квинта. Ни тот, ни другой называться не спешили.

– Выполнять, что велено! – взрычал, уставший ждать Дециан.

– К чему тебе мое имя? – буркнул Аристид, – оно никому не известно. Все мои люди и многие другие знают меня под прозвищем Эномай⁷.

– "Дурное вино", – перевел Лидон и улыбнулся, – пьяница, значит. Хорошо. Теперь ты, фракиец.

Квинт молчал.

– Не испытывай мое терпение, – беззлобно и как-то даже мягко предупредил Лидон.

Квинт молчал. Он не видел Лидона. Перед глазами пелена. Мутное пятно, постепенно приобретающее очертания человеческого лица. Глаза – два бездонных озера. Светлые волосы заплетены в длинную тугую косу. Несколько смешных веснушек на носу. Он лежал на теплых шкурах, а девушка

---

⁷ Эномай, Ойномаос – в имени присутствует корень «ойнос» – «вино». Кроме того оно созвучно со словом «ойноменос» – «пьяный».

сидела рядом, наклонившись над ним. Длинная прядь свисала с ее виска, касалась его щеки.

"Мое имя – Берза. Это... Не знаю, как будет по-эллиниски. Это такое дерево с белой корой".

"Бетула?"

"Что?"

"Бетула, береза. Так на моем языке".

"Красиво звучит".

"Можно звать тебя так? Тебе подходит".

"Нет, не надо. Я не хочу, чтобы меня звали на языке римлян".

"Почему?"

"Они – враги".

"Я – римлянин. Зачем же ты спасла врага?"

"Я не знаю... Но ты все равно не зови".

"Хорошо, не буду. Берза..."

"А как тебя зовут люди?"

"Квинт".

"Тоже красиво звучит. Что это означает?"

"Пятый".

"Ты пятый сын у своего отца?"

"Нет... То есть когда-то давно так и называли детей, но теперь об этом не задумываются. Меня называли в честь брата отца. А его в честь деда и так далее".

"Квинт... Нет, я буду звать тебя иначе".

"Как?"

Она задумалась.

"Добрый волк нашел тебя. Наверное, боги как-то связали вас. Я буду звать тебя..."

Квинт покосился на Аристида, потом по очереди посмотрел на обоих римлян и сказал:

– Называй меня – Спартак.

Часть первая.

Подозрительные лица

Глава 1

Он родился в Брундизии. Этот портовый город, присоединенный к Республике в конце первой войны с пунами, несмотря на все свое огромное стратегическое значение, до сих пор не получил статус гражданской колонии, то есть жители его римскими гражданами не являлись. Однако отец Тиберия приехал сюда из Пицена, он состоял в Велинской трибе и потому сын его унаследовал все права, которые имел любой римлянин из Рима.

Тиберий Лидон-старший был гостинщиком, причем не слишком преуспевающим. В родном Пицене его дело задушили конкуренты и тогда он стал искать удачи в чужих краях. А где еще гостинщик может хорошо развернуться и иметь постоянный доход, как не в городе, через который идет львиная доля торговли с Востоком? Конечно, постоянных дворов в Брундизии и без него было навалом, не меньше ста, но все же удалось выкроить место под солнцем и для себя. В его заведении проезжающим мимо путникам бесплатно подавали подогретое вино, смешанное с водой. Можно было

внутри не заходить и даже не спешиваться. Специально обученный раб сидел в засаде у коновязи с кружкой наготове, а рядом, только руку протяни, в распахнутом окне стоял чан с вином.

Лидон-старший и в Пицене пытался такое провернуть для привлечения постояльцев, но там мимоезжего народа было куда меньше, вот он и не преуспел. А тут сие простое изобретение быстро создало ему имя.

Поначалу таберну он держал маленькую, рассчитанную на людей бедных, которые были согласны на разохшуюся кровать с тюфяком, набитым соломой и избыльным клопами, но постепенно поднялся.

Сын, разумеется, с малолетства приучался к семейному делу, но рвеня не проявлял. Тиберий младший мечтал жить в Риме, где побывал как-то в гостях у родственника в возрасте двенадцати лет. Ко дню, когда он снял "детскую" тогу-протексту и отец торжественно обернул его взрослой, таберна Тиберию совершенно опротивела. Он стал посещать судебные заседания, вознамерившись изучить право и сделаться адвокатом. К двадцати годам провел три процесса (не получил за них ни асса), один из которых выиграл и, окрыленный успехом, отправился покорять столицу.

Первым делом молодому провинциалу следовало обзавестись патроном. Тиберий нашел его в лице немолодого адвоката из всаднического сословия и поступил к нему в ученики. Вскоре выяснилось, что способности его в красноре-

чий оставляют желать лучшего. Сначала он не унывал, ведь и великий Демосфен в молодости был косноязычен, однако, потратив почти все деньги, взятые из родительского дома, на съём маленькой комнаты в инсуле⁸ и уроки риторов, юноша в ораторском искусстве так и не преуспел.

Осознав это, он было впал в отчаяние, но на его счастье, патрон распознал в нем иной талант. Тиберий Лидон обладал прекрасной памятью. Да, он так и не научился красиво говорить, но хорошо знал законы, держал в памяти множество судебных прецедентов. Еще в Брундизии, совершенно не прилагая усилий, просто общаясь с приезжими чужеземцами, изучил пару-тройку языков. А еще он был невероятно наблюдателен.

Способности Лидона в полной мере проявились в ходе расследования одного убийства, которым занимался его патрон. Молодого человека заметили, к патрону стали обращаться все чаще именно благодаря Лидону. В делах о кражах и убийствах Тиберий опрашивал свидетелей, собирал доказательства, а покровитель потом выступал в суде с речами.

Года через три патрон умер, с его наследниками Тиберий ладил не слишком хорошо и решил сменить покровителя. Ему хотелось залезть повыше, со временем может быть даже в плебейские трибуны, а для этого нужно было иметь обшир-

---

⁸ Insula (лат.) – «остров». Многоэтажный дом, квартиры в котором сдавались внаем. В инсулах проживала основная масса горожан в Риме, наименее обеспеченные слои населения.

ные связи среди всадников и сенаторов. Кто ищет, тот всегда найдет. В год, когда великий Гай Марий разбил тевтонов при Аквах Секстиевых, Тиберий сделался клиентом Гая Анния Луска, который был известен тем, что командовал вспомогательными когортами во время войны с царем Нумидии Югуртой, а позже состоял начальником гарнизона Лепты.

Дела пошли в гору. Через пару лет патрон поспособствовал избранию своего клиента в коллегию двадцати шести мужей, где тот стал одним из "ночных триумвиров", ведавших охраной правопорядка. С тех пор Тиберий избирался на эту должность каждый год, став со временем одним из самых известных в Городе сыскарей и дознавателей.

Каждый новый эдил, столкнувшись после своего избрания с необходимостью заняться вопросами правопорядка безо всякого опыта в такого рода деятельности, непременно спихивал работу на Лидона, добавляя звонкого серебра "на текущие расходы". Тиберий угрызений совести не чувствовал и "благодарность" взяткой не считал.

Следователь занимался разными делами, но постепенно стал специализироваться на ловле фальшивомонетчиков. За последние годы этой братии в Италии развелось превеликое множество, чему активно способствовало то, что денарии и сестерции, официально выпущенные государственным монетными дворами, серебряными назывались весьма условно. Серебра становилось все меньше. Последнее истончение денария длилось уже сорок лет и принимало такие ужаса-

ющие масштабы, что ни один человек, взвесив свой кошелек, ни за что не смог бы ответить, какой суммой он обладает. После того, как государство занялось изготовлением субаэратных монет, для фальшивомонетчиков наступило полное раздолье. Субаэратный денарий представлял собой медную болванку, покрытую серебром, причем, сколько серебра отводило на монеты государство, определить не представлялось возможным, ибо данное количество постоянно менялось. Мошенничество на этой ниве расцвело до невиданных размеров. Из одного полновесного старого денария можно было сделать до восьми новых, поддельных.

Тиберий Лидон с переменным успехом боролся с фальшивомонетчиками, подставляя свое худое и не слишком крепкое плечо под шатающееся государственное здание, которое грозило обрушиться сразу в нескольких местах. В Риме расцветал кризис, зерна которого были посеяны еще несколько десятилетий назад.

В год, когда Лидон в десятый раз избрался "ночным триумвиром", случилось одно из тех событий, что, несмотря на кажущуюся незначительность, круто поворачивают течение истории. На что, конечно, обращают внимание лишь много позже, когда уже пролиты реки крови и в бешеный, все затягивающий водоворот, засасываются новые и новые человеческие судьбы... Ведь как все было просто вначале. Стоило лишь чуть-чуть задуматься о последствиях. Если б да кабы...

Италии, уже многие годы живущие в пределах Республи-

ки, но не имеющие гражданских прав, давно их добивались. Проводником их чаяний выступил сенатор Ливий Друз, избранный народным трибуном. Он действовал не из благородных побуждений, преследовал собственные интересы, осуществить которые помогла бы поддержка огромного числа новых граждан. Друз обнародовал весьма противоречивый законопроект, но протолкнуть его не смог, был обвинен в измене и вскоре зарезан неизвестным убийцей на пороге собственного дома.

Италики поняли, что мирным путем никогда ничего не добьются, и начали скрытно готовиться к войне. Правда, обстоятельства вынудили их начать ее преждевременно.

Тем не менее, вначале все шло весьма неудачно для Рима. Был обращен в бегство консул Луций Юлий Цезарь. Потом понес большие потери один из легионов второго консула. Хитростью был взят лагерь легата Квинта Цепиона. В Риме приняли закон, по которому в Городе запрещалось устраивать похороны погибших, дабы не снижать боевой дух граждан.

Поначалу италики имели численный перевес, и римляне набирали все новые и новые легионы, коих ко второй военной зиме насчитывалось уже пятнадцать. Война вышла столь напряженной, что в армию призывали почти половину всех граждан. Попал в легионы и Тиберий. Боевое крещение получил в качестве рядового легионера под началом Публия Красса в Лукании. Здесь его карьера едва не закончилась,

ибо наступление италиков отрезало армию Красса от сил Луция Цезаря, после чего она была полностью разгромлена и обращена в бегство.

Тиберий, раненный в ногу, отлежался в кустах, а потом довольно долго пробирался к своим. Нога плохо заживала. В строй он вернулся лишь через несколько месяцев, но уже не легионером. К тому времени в Город прибыл его патрон, половину первого года войны проведший на Сицилии. Рим испытывал острую нехватку солдат и стягивал силы из всех провинций. Луск порекомендовал Лидона в качестве корникулария Помпею Страбону. Тот как раз набирал новые легионы вместо разбитых у Фалернской горы, где италики нанесли ему крупное поражение. С этим полководцем Лидон очутился в Пицене, на родине отца. Впрочем, смятения чувств от того, что жжет дома вчерашних соседей, он не испытал. Отец родину редко вспоминал добрым словом. Это отношение передалось и отпрыску.

С новой армией Страбон добился куда больших успехов, что позволило ему избраться в консулы на следующий год, а сенаторы по случаю его побед даже облачились в праздничные одежды.

В претории⁹ Страбона Лидон свел знакомство с несколькими молодыми людьми. Имя одного из них, в ту пору скрытое в тени отцовского, теперь у всех на слуху. Гней Помпей, "герой" гражданской войны, коего Сулла зовет – "мой моло-

---

⁹ «В претории» – аналогично современному «при штабе».

дой мясник". Второй, пока что, ничем выдающимся не прославился, а запомнился Лидону потому, что проводил с ним много времени в беседах, собираясь начать карьеру адвоката. Звали этого семнадцатилетнего юношу Марк Цицерон и он, как и Лидон, тоже был провинциалом.

Там же, в легионах Страбона Тиберий познакомился с Децианом, который уже тогда служил в классиариях. Поскольку на море боевых действий не велось, всю морскую пехоту римляне снимали с кораблей.

Консул Луций Цезарь, оправившись от первого поражения, вскоре одержал победу над своим "коллегой", самнитом Папием Мутилом в битве под Ацеррами. Римляне воодушевились. Сенат повелел гражданам снять сагумы, военные плащи, и одеть тоги, что символизировало отступившую опасность.

Однако радоваться было преждевременно, противник сражался отчаянно и о переломе в войне говорить было еще рано. Творцом этого перелома стал все тот же Луций Цезарь, причем добился его не силой оружия. Он издал закон о предоставлении гражданства племенам, еще не принявшим участия в войне. Поначалу такая мера не слишком помогла. Тогда было объявлено о том, что права будут даны тем, кто сложит оружие в двухмесячный срок. Это раскололо государство Италия и дальше дела римлян пошли гораздо лучше.

Из римских полководцев особенно сильно в деле усмирения италиков преуспел Луций Корнелий Сулла. В прошлом

он был близким другом Гая Мария, но со временем стареющий Марий стал очень ревниво относиться к успехам более молодого Суллы. Это проложило между ними черту отчуждения, а затем и взаимной ненависти.

Марий, в отличие от Суллы, по большей части старался с противником договориться, а не жечь его. К концу трехлетней войны симпатии уцелевших италиков целиком были на стороне партии Мария. Казалось, страсти улеглись, и наступает мир, однако дальше началось нечто немыслимое.

Царь Понта Митридат VI Эвпатор, воспользовавшись междоусобицей в Италии, устроил в союзных Риму Вифинии и Каппадокии массовую резню римлян, убив несколько десятков тысяч человек. После чего разбил три римских армии и вторгся в Грецию.

Италики обратились к Митридату за помощью, но было уже поздно, от восстания остались лишь тлеющие угли. Римляне собрали новую армию для отправки на восток. Во главе ее, согласно традиции, предстояло стать одному из консулов того года. Эта честь досталась Сулле.

Старик Марий обезумел от ревности и интригами добился пересмотра решения в свою пользу. Сулла в ответ на это созвал собрание войск и произнес великолепную речь о том, что с ним на востоке каждого солдата ждет баснословная добыча, а Марий – старая развалина и помеха в этом, без сомнения, блестящем походе. Кроме того, он, конечно, наберет собственных ветеранов. Солдаты ожидаемо возмутились, и

Сулла с шестью легионами двинулся на Рим, "спасти Город от тирана".

Сенат, несвободный в своих действиях и полностью послушный воле Мариа, послал к Луцию Корнелию двух преторов, чтобы разрешить противоречия мирно. Но преторы, как большинству в Риме показалось, не поняли происходящего и говорили перед Суллой и его солдатами столь надменно, что легионеры пришли в ярость, избили ликторов, охранявших послов, а их самих раздели догола и прогнали в Рим. Вечный Город впал в уныние. Сулла продолжал продвигаться вперед и подошел к стенам Рима в районе холма Эсквилина. Марианцы пришли в отчаяние. Их вождь начал освобождать рабов и давать им оружие для защиты города. Новые послы просили повременить, уверяли, что Сенат восстановит справедливость, что будут изданы соответствующие постановления.

Сулла покивал, с послами согласился, а когда они уехали, начал штурм. Прорвавшийся в город отряд Луция Базилла был остановлен толпой безоружных граждан, умолявших прекратить кровопролитие, но Сулла, потерявший все свое хладнокровие, приказал поджигать дома и сам с факелом в руках бросился вперед...

Марианцы были разбиты. Старик с сыном и остатками сторонников бежал на корабле в Африку.

Сулла остался хозяином положения. Заочно осудив на смерть Мариа, спешно насадив своих ставленников, где

только можно, он отбыл с легионами в Грецию, которую активно прибирал к рукам Митридат.

Однако младшим консулом в тот год, к неудовольствию Суллы, все же стал марианец, Корнелий Цинна. Он поклялся в верности Сулле, но немедленно нарушил клятву, едва последний корабль полководца отбыл из Италии. Марианцы воодушевились и сразу занялись реваншем.

Марий вернулся и устроил в Риме резню, какой свет не видывал. Старик совершенно обезумел. В домах сулланцев убивали их хозяев, насиловали их жен и детей. Ежедневно на Форуме выставлялись десятки отрезанных голов. Особенно бесчинствовали бардиеи, освобожденные Марием рабы.

Даже близкие не могли остановить старика. В ответ на мольбы пощадить очередного несчастного, он лишь упрямо твердил: "Пусть умрет". Позже некоторые уверяли, будто всякого, кому властный безумец, проходя по улице, не отвечал на приветствие, убивали на месте. Дошло до того, что даже друзья, подходя к нему, чтобы поздороваться, тряслись от страха, ибо он стал совершенно непредсказуем.

Тиберий Лидон в те дни хаоса сохранил себе жизнь чудом. Луск поддерживал Суллу и при первой же возможности бежал к нему в Грецию. Тиберий за патроном не последовал.

Дом Суллы разрушили, его имущество конфисковали, однако он никак не реагировал на происходящее, полностью посвятив себя войне с Митридатом.

И тут, внезапно, Марий умер.

Избавившись от своего безумного вождя, марианцы поспешили прекратить насилие. Четыре тысячи вошедших во вкус бардиеев заманил в ловушку и перебил, всех до единого, Квинт Серторий, известный полководец и сторонник свихнувшегося семикратного консула. За это Цинна, которому головорезы старика не прибавляли народной любви, предложил Серторию должность префекта Города. Должность формальная, реальной власти префект не имел, но все эдилы, одним из которых горел желанием стать сей популярный в народе уроженец города Нурсия, на текущий год уже были избраны. Цинна гарантировал, что в следующем году Серторий точно станет эдилом. Тот согласился. Обязанности по охране правопорядка он у эдилов забрал, да те особенно и не сопротивлялись, уж очень хлопотное это занятие, а нурсийца уважали не только голодранцы на Форуме, но и авторитеты преступного мира, с которыми он смог найти общий язык в дни всеобщего хаоса, охватившего Город. Так Серторий сделался начальником Лидона.

Марианцы приступили к наведению порядка. Претор Марк Марий Гратидиан, родственник покойного вождя, пытаясь восстановить пошатнувшуюся поддержку масс, издал эдикт, устанавливающий твердый курс денария. Деньги снова начали чеканить только из серебра, "плохие" изымались из обращения, заменяясь "хорошими".

Государственные служащие от нового закона немало выиграли, получая жалование полновесной монетой, поэтому

еще до конца претуры Гратидиана кое-где в Городе уже устанавливались его прижизненные памятники. Ростовщики бе-
сились. Помимо эдикта о монете их благосостояние подкосо-
сил закон коллеги Цинны по консулату, Валерия Флакка,
"простившего" толстосумам три четверти долгов всех граж-
дан. Да и оставшуюся четверть позволялось уплатить не се-
ребром, а медью. Это изрядно прибавило популярности ма-
рианцам, а тех из денежных мешков, кто еще колебался в
своих политических пристрастиях, однозначно развернуло
по направлению к Сулле. Тайно, разумеется.

Борьба с фальшивомонетчиками закипела с новой силой,
превратилась в настоящую войну. Нырнув в работу, как в
омут, Лидон ловил себе преступников и почти не обращал
внимание на политическую обстановку в государстве, кото-
рое продолжало потряхивать мелкой дрожью от неразрешен-
ных противоречий между группировками и страха, внушае-
мого вестями о победах Суллы на востоке.

"Что же будет, когда он вернется?"

Марианцы так и не завоевали достаточного авторитета в
народе, а военные таланты их лидеров оставляли желать луч-
шего. Единственным достойным и опытным командиром в
их лагере был Серторий. Он уверял, что сможет дать отпор
Сулле и хотел для себя большей власти, за это его задвинули
в тень, а потом и вовсе отправили наместником в Испанию.

Сулла, тем временем, победоносно завершил войну, за-
ключил с понтийским царем мир, и вернулся в Италию, сра-

зу дав понять, что намерен всем воздать сполна. С ним были проверенные в деле, набравшие огромный опыт легионы. Марианцы смогли собрать армию куда больше, чем у Суллы, но воевала она бестолково.

Гражданская война длилась почти год и завершилась в прошлые ноябрьские календы¹⁰ напряженной и чрезвычайно кровавой битвой у Коллинских ворот Рима, в которой Сулла, не без труда одолел марианцев и их союзников, грозных самнитов, став единоличным правителем Республики.

Все вожди марианцев были уничтожены, за исключением Сертория, который, находясь в Испании, активно готовился к продолжению войны, искал союзников, набирал армию и строил флот.

Тем временем в Риме Сулла "наводил порядок". Его сторонники вырезали марианцев, где только могли до них дотянуться. Нередко убивали даже тех людей, кто никогда прежде не выступал против сулланцев. Просто появился удобный повод завладеть чужим имуществом. Дабы "упорядочить" террор, победитель издал проскрипционные списки, куда включил людей, которых требовалось предать смерти "для благополучия государства". Все эти несчастные были объявлены вне закона. Под страхом смерти никто не мог предоставлять им убежища. На Форуме опять, как в дни марианского террора выставляли отрезанные головы, а тела сбрасывали в Тибр.

---

¹⁰ 1 ноября 82 года до н.э.

Сертория тоже включили в проскрипции. Несмотря на удаленность Испании, никто не собирался оставлять проконсула в покое. Эта провинция была для Рима слишком важна. В конце зимы Пиренеи перешла двадцатитысячная армия, командовать которой Сулла поставил Гая Анния Луска. Ему было предписано изгнать Сертория и занять его место.

Тогда и произошли в жизни Лидона крупные изменения. Луск предложил своему клиенту последовать за ним в качестве корникулария. Лидон, человек невоенный, был нужен Гаю Аннию для присмотра за квестором, который ведал чеканкой монеты. Луск подозревал, что тот нечист на руку, а кто, как не Лидон мог бы преуспеть в разоблачении мошенника? Тиберий тут был почти в родной стихии. Опять же, он хорошо знал Сертория, что было для Луска неплохим подспорьем.

Однако вскоре Тиберий пожалел, что согласился на предложение патрона. Поначалу Луск долго топтался у подножия Пиреней, удобные проходы в которых успешно обороняли серторианцы. Ворота в Испанию для Гая Анния открыло предательство. Противник прекратил сопротивление и бежал. Лидон в военные дела не лез, он погрузился в непривычную для себя легионную канцелярскую рутину, которая невероятно его утомляла. Он жаждал какого-нибудь интересного дела, но все больше вникая в доставшееся хозяйство, понимал, что его засасывает папирусно-чернильное болото. Квестор с деньгами не мухлевал. Возможно, еще не

набрался наглости. Тиберию было скучно, а потому загадка, привезенная Титом Варием, вышла для него глотком свежего воздуха.

Лагерь под Тарраконом был заполнен едва на четверть. Один легион в полном составе двигался на Новый Карфаген, когорты второго Луск разбросал по гарнизонам и флотским отрядам. Из начальников на месте было лишь двое трибунов, еще совсем мальчишек, неопытных в военном деле, а так же самый старший из центурионов – примипил¹¹. Дециан имел ранг первого гастата¹² первой когорты, и до высшего солдатского звания ему оставалась пара шагов. Опытном он обладал большим, ему доверяли, и после краткого доклада примипилу, Тит Варий получил указание заниматься пленными лично до прибытия командующего.

Наутро он поинтересовался у Тиберия, кого следует привести на допрос первым.

– Афинянина? Или фракийца?

– Нет, – покачал головой Лидон, – ты их видел? Один будет упорно молчать, а другой нести всякую чушь. С ними позже, сначала побеседуем с мелочью.

Центурион кивнул и отправился к деревянной клетке, где

---

¹¹ Центурионы легиона не были равноправны. В их иерархии старше был тот, у кого номер когорты и центурии в ней был меньше. Примипил, командир первой центурии, первой когорты, в некоторых случаях командовал и всем легионом.

¹² Несмотря на то, что в результате реформы Гая Мария легионеры больше не делились на гастатов, принципов и триариев, эти термины сохранились в названиях рангов центурионов.

сидели пленные. Второй такой в лагере пока не было и вожака с фракийцем, выполняя распоряжения Лидона, Тит Варий оставил снаружи. Квинту стянули веревкой ноги, а руки, заведя за спину, привязали к колесу обозной телеги, на которой перевозили инструменты и сопутствующий скарб для легионных оружейных мастерских. Аристида тоже привязали к колесу, только, с другой стороны. Приставили часового, чтобы не позволял пленным разговаривать друг с другом.

Так оба и провели ночь, сидя на голой земле, стуча зубами, ибо, хотя ветер стих к наступлению темноты, но погода все равно стояла не летняя.

Подойдя к клетке, центурион осмотрел "подопечных" и выбрал.

– Этого.

Двое легионеров открыли засов и вошли внутрь, подхватив под руки одного из сидельцев, внешности непримечательной.

– А? Чего? – выпучил глаза пленник.

– Пошли-ка, – сказал центурион по-гречески.

Тот сразу заверещал:

– Нет, не меня! Я ничего не сделал! Отпустите! Не хочу, не хочу, нет!

Товарищи смотрели на него исподлобья, а он упирался изо всех сил, цеплялся за клетку.

– Отпустите!

– Да чего ты орешь? – рявкнул центурион, – тебя еще не

вешают.

Тот дергался и все норовил оглянуться, вращая выпученными глазами.

– Гундосый, спаси меня!

– Щас, он тя спасет! – заржал один из легионеров.

У пирата подломились колени, он повис у солдат на руках и вдруг во все горло заорал песню, нещадно перевирая мотив:

– А-а кто тебя высек нещадна-а? И гола-а-ю выгнал из дома-а-а...

– Давай, шевели задницей! – хохотнул Дециан, отвесив пирату пинка.

– ...а дверь запира-ай на засов, а чтоб не попасться опя-а-ать...

Когда пирата втащили в преторий, он перестал орать и только отбивал частую дробь зубами.

– Как зовут? – спросил его Лидон.

Он, как и Дециан, не стал проверять, знают ли пираты латынь, обратился на греческом.

– А? – чуть повернул голову тот, скосив глаза.

– Я неясно выразился?

– Ясно, ясно, – закивал пират, – все как есть скажу, только не убивайте. Все скажу.

– Как зовут? – повторил вопрос Лидон.

– А? – снова переспросил пират, подавшись вперед, – а! Да. Зовут. Зовут Койоном.

– Откуда родом?

– Не знаю, добрый господин. Отовсюду, помаленьку. Где солнышко светит, там и свой.

– Киликиец? Критянин?

– Да не, какой критянин? Из Киликии, да. То есть, нет. Сам-то буду с Эвбеи, но когда в первый раз в Милете очутился, там меня...

Лидон поморщился.

– Откуда и куда вы шли?

– Чего?

– Тит, – повернулся Лидон к центуриону, – сломай-ка ему палец, для начала.

– Я все скажу! – заорал пират, – все скажу... Мы из Массалии.

– Из Массилии?

Римляне произносили название этой древней эллинской колонии, основанной близ устья реки Родан, немного на свой лад.

– Да-да. Шли из Нового Карфагена домой. Везли свинец в слитках.

– Слышь, весло, ты ври, да не завирайся, – прогремел прямо в ухо Койону Дециан, – на вашем корыте не нашлось ничего ценного.

– Так в шторм попали, – заторопился тот, – качало, будь здоров. Думали, потонем. С перегрузом шли. А он же, свинец, то есть, страсть, какой тяжелый. Все за борт выкинули.

Ужась, какие убытки.

Звучало это правдоподобно. Под Новым Карфагеном действительно имелись рудники, где добывали серебро и свинец, а один маленький островок недалеко от города даже называли Плумбарией, "Островом свинца".

– Жадность, значит, едва не сгубила? А чего деру дали?

– Испугались. Думали – пираты...

– Ты что, дурень, римских кораблей никогда не видел в своей Массилии? – скептически хмыкнул Дециан.

– Да кто вас разберет? – заныл Койон, – такие времена, лучше перебдеть.

– Как купца вашего зовут? – задал следующий вопрос Лидон.

– Как зовут? – переспросил Койон.

– Ты что, забыл? – прищурился корникуларий.

– А, не... Не забыл, конечно. Эномай его зовут.

Тиберий посмотрел на Дециана. Тот поджал губы и дернул щекой.

– Догадываешься, что мы сейчас любого из твоих товарищей сюда выдернем и он нам другое скажет? За вранье, знаешь, что с тобой будет?

– Да как другое-то? – заскулил Койон, – как другое? То же самое скажет!

– Проверим. Теперь поведай-ка, что это за гемиолия держалась рядом с вами?

– Не знаю. Боги свидетели, понятия не имею.

Дециан кивнул легионерам, и те вытянули руку Койона вперед, заставив растопырить пальцы.

– Да не знаю я! Шторм был, в море отнесло, а как успокоилось, видим, еще судно рядом! Сначала пересрались, дураем, киликийцы это, хана нам. Но они не стали нападать. Тоже к берегу гребли. А-а! Пустите!

– Отпусти его, Тит, – скомандовал Лидон, – скажи своим молодцам, пусть пока всыпят лекарства для памяти. Только не переусердствуйте. И давай следующего.

Вопящего Койона уволокли. Центурион снова сходил до клетки. Осмотрел кандидатов.

– Теперь – Гундосый.

– Гундосый, выходи, – подтолкнул легионер в спину пирата со сломанным носом.

Тот не орал, не метался, ответил на все вопросы, вот только ни Лидон, ни Дециан не слова не поняли. Его тоже пришлось отправить для экзекуции к "вспоминателю", хотя это вряд ли могло добавить понятности речи.

Следующие двое повторили версию Койона.

Лидон к молчанию подследственных привык и сохранял невозмутимость, но Дециан давно уже потерял терпение, орал и брызгал слюной.

– Успели сговориться!

– Разумеется, – спокойно согласился Лидон, – сколько часов ты за ними гнался? У них была уйма времени придумать легенду. Если они все будут твердить одно и то же, и не най-

дем никакой зацепки, придется отпустить.

– Как отпустить?! Да у них на рожах написано, что это разбойные!

– Закон есть закон, Тит. У нас пока нет доказательств того, что это пираты. Давай следующего.

– Если ты согласен, что сговорились, зачем же продолжать допрос? – удивленно спросил Дециан, – ведь будут твердить одно и то же.

– Тит, я тебя не учу, как людьми командовать? Вот и ты не лезь в мою работу. Давай следующего.

Следующий не сказал ничего нового.

– Зараза... – в сердцах бросил Дециан, – не понимаю... Только время зря теряем.

Лидон пропустил его слова мимо ушей. Поинтересовался:

– "Обработанные" не меняют показания?

– Нет, это орково семя твердит одно и то же.

Ввели очередного "пирата".

– Как зовут? – еще даже не поглядев на него, спросил Лидон.

– Дракил, – ответил тот, выдержав небольшую паузу.

– Откуда?

– Из Массалии.

– Куда шли?

– Домой возвращались.

Лидон еле заметно напрягся, чуть подался вперед.

– Что везли?

– Свинец в слитках.

– А на гемиолии тоже свинец?

– На какой гемиолии?

Лидон пробарабанил пальцами по столешнице, посмотрел на Дециана, тот поднял глаза вверх, всем своим видом показывая, как ему надоела эта бессмысленная процедура.

– Хочешь сказать, первый раз ее видел?

– Ага, – не моргнув глазом, ответил Дракил, – первый.

Лидон откинулся на спинку кресла, оперся руками о подлокотники и сложил пальцы в замок. Взглянул на центуриона, прищурившись, словно улыбался одними глазами. Потом снова посмотрел на допрашиваемого.

– Так... Эллин, значит. Из Массалии. Там и родился?

– Да.

Лидон некоторое время молчал, разглядывая Дракила и водя кончиком языка по верхним зубам. Тот нервно косился по сторонам. Наконец, Тиберий сказал:

– Критянин Эпименид утверждал, что все критяне – лжецы. Врешь ты все, сдали тебя дружки с потрохами. Придется тебя повесить, как пирата. Дурак ты, не ту сторону выбрал. Зря от Ласфена сбежал, не вляпался бы сейчас в дерьмо по уши.

– Не сбегал я! – вспыхнул Дракил, – я, наоборот, с самого начала предлагал им...

Он осекся.

– Что предлагал? – заулыбался Лидон, – к Ласфену при-

соединиться? Это правильно. Ласфен ныне – друг римского народа. Видишь, критянин, пират пирату рознь. А что твои дружки тебя не послушали?

Дециан недоуменно переводил взгляд с Тиберия на Дракила. Он, разумеется, знал, кто такой Ласфен Волк. Еще бы не знать.

Ласфен прославился, как один из наиболее известных в восточной части Срединного моря пиратских вождей. Ему подчинялось несколько десятков кораблей, несших знамя – черная обоюдоострая секира-лабрис на белом фоне. На своем родном Крите Ласфен практически всевластен, несмотря на то, что остров формально поделен между несколькими мелкими царьками и олигархами. Но все они всецело зависели от Волка.

Уже в глубокой древности Крит стал одним из двух центров пиратской вольницы. Вторым был Пиратский берег в Киликии. В недавней войне римлян с Митридатом киликийцы поддержали понтийского царя, а Волк присоединился к Луцию Лукуллу, коего Сулла в самый разгар боевых действий, в неблагоприятное время для мореплавания, зимой, послал собирать флот союзников. Он тогда осаждал Афины и, не имея кораблей, не мог воспрепятствовать подвозу морем к запертому в городе стратегу Архелаю припасов и подкреплений. Лукулл с задачей блестяще справился, заключив союз с Египтом и Критом, которые передали под его начало несколько десятков кораблей, причем выступление Ласфена

на стороне римлян изрядно раскололо пиратское братство.

Но как Лидон узнал, что пират имеет какое-то отношение к Ласфену? С чего он взял, что этот разбойник – критянин?

– Как ты... – начал было Дециан, обращаясь к следователю, но тот сделал резкое движение ладонью, дескать – заткнись.

– Потом, Тит. Все потом.

Дракил стоял, ни жив, ни мертв, глаза в землю. Прошептал:

– С-суки... Подлые твари...

– Это ты о нас, или о приятелях своих? – поинтересовался Лидон.

Пират вскинул голову и со злобой бросил:

– Я один висеть на кресте не буду!

– Конечно, один не будешь, – кивнул Лидон, – а может даже совсем. Если станешь правду говорить. Ну, так как? Ложно утверждение Эпименида или истинно? Проверим?

Дракил смотрел на пальцы Лидона, все еще сложенные в замок.

– Чего ты хочешь знать?

– Все. Кто вы такие? Куда и откуда шли?

– Ты же... тебе же все рассказали уже.

– Я всем даю возможность меня разочаровать. Будешь говорить правду, избежишь креста. Нет – пеняй на себя. Понятно излагаю?

Дракил кивнул.

– Хорошо. Главный кто у вас?

– Эвдор... Гнида...

Лидон поднял бровь, но эту тему пока не стал развивать, спросил другое:

– Он на гемиолии сбежал?

Дракил кивнул.

– А на акате, значит, заправлял Эномай?

Пират поднял глаза и как-то странно посмотрел на следователя:

– Это ведь он меня заложил? Ублюдок...

– Куда вы шли? – проигнорировал его слова Лидон.

– Не знаю, – буркнул Дракил, – Мышелов вообще никогда не распространялся о своих планах. Только с Пьяницей шептался. Да еще с фракийцем один раз. Тогда, в Остии... А всех остальных подлых говноедов такое устраивало. Говорил я им – заведет он нас напрямиком в могилу. Сто раз говорил. Не слушали. Тупые бараны...

Так. Мышелов, надо полагать, прозвище этого самого Эвдора. Уточнять не следует, чтобы не спугнуть. Пираты, стало быть, вождю верят безоговорочно. Удачлив? Или другая причина? А Эномай и Спартак, значит, к нему приближены. О чем-то сговаривались в Остии. Хорошо. Дальше.

– Откуда шли?

– С Питиусы, – ответил пират.

– Зачем туда ходили?

– Не знаю. Эвдор сказал, вот и пошли. Никто не спра-

шивал, зачем. Как всегда. Мышелов еще осенью сказал, что пойдём в Испанию. Я, конечно, поинтересовался, что мы там забыли, а он, как обычно, только поулыбался, сука...

– Прямо любовь у вас, как я погляжу, – улыбнулся Тиберий.

– С Серторием встречались? – не выдержал Дециан и влез в допрос.

Лидон недовольно поморщился, но кивнул Дракилу.

– Отвечай.

– Да. С Серторием.

– О чем говорили?

– Не знаю. Эвдор с Аристидом к нему ходили. И фракиец еще.

Аристид? Кто такой Аристид? Лидон взял в руки стило, лежавшее на столе, и написал имя на раскрытой вошеной табличке.

– А вспомни-ка, Дракил, когда именно Эвдор объявил о своем решении идти в Испанию?

Пират шмыгнул носом, ответил не сразу.

– Не помнишь?

– Почему? Помню. Это было на другой день, после того, как Сулла Рим взял. Мы в Остии стояли.

– Хорошо. На память, смотрю, не жалуешься, – одобрительно сказал Лидон.

– Не жалуясь, – глядя исподлобья, буркнул пират.

– Злопамятен? Ну-ну, – усмехнулся Тиберий, – а скажи-ка

тогда, не запомнил ли ты, с чего вдруг Эвдор принял такое решение? Может, что необычного в тот день произошло?

– Необычного? Да там кругом одно сплошное необычное. Римляне друг друга режут, на всю Италию шум стоит. Необычного... Ну, разве что, Мышелов с фракийцем в тот день шептался. Все с Пьяницей прежде, а с этим впервые. Кроме, разве, того дня, когда фракиец к нам прибился.

– А что, прежде они вообще не разговаривали?

– Почему? Разговаривали. По слову в день. А тут чего-то долго обсуждали. Отсели в одной портовой таберне в сторонку, и давай языками чесать.

– Обычно Спартак неразговорчив?

– Да. Особняком держался. Молчал все время. Нелюдимый. Подшутить как-то пытались над ним, так он Койона едва не зашиб. Не понимает шуток.

– Бьется крепко? – спросил Дециан.

– Не слабак, – ответил Дракил.

– Эвдор как-то возвышал его?

– Да нет. Нельзя такого сказать. Вот Пьяницу – да, а этого – нет. Такой же он был, как мы все. В драке не последний, но не более того. Я потому тогда и удивился.

– Ты сказал, что он к вам прибился, – сказал Лидон, – давно?

– Да где-то года два.

– А ты сколько лет с Эвдором?

– Пять-шесть. Не помню. Не считал.

Тиберий встал из-за стола, прошелся взад-вперед, заложив руки за спину.

Так. Этот Эвдор решил зачем-то встретиться с Сертори-ем после того, как поговорил с фракийцем, рядовым, ничем не выделяющимся пиратом. И произошло это на следующий день после Коллинской битвы, когда разбойные стояли в Остии. Пираты в трех шагах от Рима. Спокойненько так торчат, вероятно, даже зимуют, ибо в ноябрьские календы редко кто отваживается выходить в море. И никто их не хватает, не предает казни. Интересно.

Эвдор владел двумя кораблями, причем довольно небольшими. Не десятками, как критянин Ласфен, киликиец Эргин Мономах или Гераклеон-вифинец, по прозвищу Уголек. И уж точно он никто и звать никак в сравнении с Зеникетом, некоронованным царем Пиратского берега (по слухам, даже богом, сидящим на горе Феникунт, Ликийский Олимп, откуда, по рассказам моряков, все море до самого Кипра, как на ладони). Все эти имена на слуху повсеместно, даже в Риме. А кто такой Эвдор? Тиберий прежде этого имени не слышал. Но именно этот человек зачем-то рвется к Серторию. Пока одни загадки. Пока.

– Значит, встретился Эвдор с Серторием, переговорил о чем-то, и отправился восвояси, опять не сказав, куда именно? – спросил Тиберий.

– Примерно так, – буркнул Дракил.

– Примерно?

– Ну, мы в море все вместе вышли, вместе с Серторием, когда римские корабли возле Питиусы заметили. Эвдор, ничего не сказал, куда идем, но, похоже, еще хотел с Серторием какое-то время остаться. Шторм налетел. Мы едва "Актеон" не потеряли, а уж попутчиков наших и вовсе след простыл. Искать не стали.

– Куда Серторий собирался идти? – снова влез Дециан.

– Оставь, Тит, – отмахнулся Лидон, – он все равно этого не знает.

Он приставил к столу складной табурет-селлу.

– Садись.

Дракил послушно сел. С неестественно прямой спиной, словно оглоблю проглотил. Тиберий вернулся в свое кресло, наклонился над столом, опершись локтями, и сказал:

– А расскажи-ка мне, Дракил, про Эвдора.

– Что рассказать?

– Все, что ты о нем знаешь.

– Это долго, – предупредил пират.

– Ничего. У нас много времени.

Дракил некоторое время помялся, потом все же заговорил.

– Где-то шесть лет назад у меня был собственный корабль. Я, правда, ходил под Ласфеном, ну так всякий из Братства имеет над собой кого-то. У тех же киликийцев самый могучий – Эргин, да и то он подчиняется Зеникету.

– Не можете, псы, без жоака? – усмехнулся Дециан.

– Не отвлекайся, – сказал следователь, а на Тита Вария посмотрел неодобрительно.

– Я бы не отказался без жоака пожить, своим умом, – буркнул пират, – только, чтобы не как в тот раз...

– А что тогда случилось? – поинтересовался Лидон.

Видно было, что пирату не хочется отвечать на этот вопрос, но следователь проявил настойчивость и Дракил проворчал:

– Грабанули одно богатое поместье в Аттике. На трех кораблях пришли, с дружками. Дружки смылись вовремя, а я решил еще поживиться в округе.

– И как? Удачно? – предвидя ответ, съехидничал Тиберий.

– Столько серебра поимел, сколько в жизни не видывал. Целый рудник...

– Понятно. Сгубила жадность абдерита¹³. В Лаврийские рудники попал?

– Да.

Тит Варий скептически хмыкнул.

Лаврийские горы с давних времен были одним из главных источников дохода афинского государства. Словно старый дуб, изъеденный жуком-древоточцем, они были вдоль и поперек прорезаны десятками, сотнями шахт и штолен глубиной до девяноста локтей.

---

¹³ Абдерит – уроженец города Абдеры во Фракии. Этим словом греки называли простаков.

Здесь трудились тысячи рабов. Пойманные пираты, разбойники, тысячи самых опасных, сосланных на эту каторгу за непокорство, побеги, бунты, убийства хозяев. Тысячи просто ни на что не годных, кроме тяжелой физической работы. Сюда редко попадали мастеровые рабы. Даже во времена войн, когда цены на рабов падали, мастер ценился слишком высоко, чтобы гробить его в рудниках. Разве что он был слишком строптив.

По четырнадцать-шестнадцать часов долбили рабы на глубине камень, в плетеных корзинах поднимали наверх богатую свинцом руду, где перемалывали ее в мелкое крошево. Превращенную в песок породу промывали в воде, отделяя свинец и крупницы серебра от бесполезной породы. Свинца в Лаврионе добывалось почти в сто раз больше, чем серебра, но того, что было, в течении уже нескольких веков с лихвой хватало Афинам на новые триеры, храмы, портики, новых воинов и новых рабов, что заменяли "износившихся". А изнашивались люди здесь быстро. Очень быстро. В шахте крепкий мужчина мог протянуть самое большее полгода. После чего превращался в дряхлую, еле держащуюся на ногах, развалину. Те, что работали наверху, крутили огромные дробящие жернова или промывали породу, жили несколько дольше, но ненамного. Редко, кто выдерживал более года. А потом начинался кровавый кашель, выворачивающий нутро наизнанку. И старший надсмотрщик отдавал подчиненным команду – заменить раба.

Афины давно уже потеряли свою независимость, но рудники продолжали исправно функционировать, формально все еще являясь собственностью афинской олигархии. Туда по-прежнему отправляли попавшихся пиратов.

Недоверчивый взгляд Дециана имел прочные основания. Из Лавриона не возвращались. Рудники стерегли множество надсмотрщиков. Любые беспорядки, попытки бунта молниеносно и очень кроваво пресекались. За всю историю существования рудников случилось несколько восстаний, но все они были подавлены. Афины ревностно охраняли одно из самых ценных своих владений. Лишь единицам удалось бежать, да и то, рассказы об успешных побегах сродни мифам. Они грели душу надеждой, но были не более чем сказкой. Слишком красноречивы гниющие на крестах трупы "удачливых" беглецов, сумевших выбраться из рудников, но лишь краткий миг дышавших ветром свободы. Ни один не покинул пределы Аттики, даже не добрался до Афин.

– И как ты умудрился сбежать оттуда?

– Я совсем немного успел поработать в верхних мастерских, не успел еще надышаться пылью и кровью не харкал. А тут случилась заваруха. Сулла напал на рудники, правда, мы тогда этого еще не знали...

В начале Митридатовой войны афинская олигархия, возглавляемая стратегом Аристионом, соблазнилась деньгами и посулами понтийского царя и переметнулась на его сторону. Ответ римлян, занятых внутренними делами несколько за-

держался, но все же последовал. Армия Суллы высадилась в Греции и двинулась в Аттику. Для обороны Афин Митридат прислал своего стратега Архелая с войсками и флотом.

Сулла не смог овладеть городом штурмом с налета, и приступил к осаде. Четыреста лет назад, после победы над персами, были построены Длинные стены, соединявшие Афины с портом Пиреем. Впоследствии, в Пелопоннесскую войну, войны диадохов, эти стены несколько раз разрушались и возводились вновь. Сейчас их не было, что позволило Сулле без труда окружить Афины и отрезать Пирей. Войско Архелая, рассеченное на две части, сражалось храбро и римлянам никак не удавалось взять ни город, ни порт. Особенно неудачно продвигалась осада Пирея, поскольку флота Сулла не имел, а Митридат морем постоянно перебрасывал Архелая подкрепления и припасы.

Пирей ни в чем не имел нужды, а в Афинах, до которых рукой подать, начинался голод.

Римлянам не хватало дерева для строительства осадных машин, тогда Сулла приказал вырубить священные рощи Академии и Ликея. Нужен был флот – Сулла послал Луция Лукулла к союзникам Рима, в Египет, на Родос. Оба союзника независимы, требовать с них что-либо невозможно, а просить, явившись с пустыми руками, бессмысленно. Денег у Суллы не было, и чтобы их достать, римляне разграбили храм Аполлона в Дельфах. А также наведались в Лаврийские рудники.

В Лаврионе скопилось довольно много серебра, которое афиняне не успели вывезти в более надежные места. Стражи в рудниках всегда было много, но легионерам Суллы она не доставила больших затруднений. К начавшейся драке сразу же присоединились рабы из тех, что работали на поверхности. Всего их было около трех тысяч, но они не имели оружия, многие истощены. К тому же римляне вовсе не собирались никого освобождать, они стремились лишь забрать то серебро, которое рабочие уже успели превратить в слитки. Поэтому бежать удалось лишь сотне каторжников.

– Из этого числа мало кто остался. "Мне и еще девяти бедолагам повезло", – сказал Дракил и, подумав, добавил, – в тот раз повезло.

– Продолжай.

– Среди нас по большей части была мелкая рыбешка. Только Эвдор и я прежде ходили на своих кораблях. Как он загремел в рудники, я до сих пор не знаю. Я с ним до этого не был знаком.

– Ты начал набиваться в вожак ватаги, но Эвдор тебя отодвинул? – предположил Лидон.

– Да, вроде того... Скользкая он сволочь. В любую щель без масла пролезет. Как-то он незаметно меня обошел...

– Что дальше было?

– Дальше? Дальше пришла зима и завалила всю Аттику трупами...

Аттика напоминала выжженную пустыню и из нее следо-

вало выбираться побыстрее. Повсюду рыскали отряды римлян, совершали вылазки понтийцы и афиняне. Пираты смогли добраться до побережья и спрятались в разоренном и обезлюдившем рыбацьем поселке. Им посчастливилось найти относительно целое рыбацкое суденышко, но выйти в море нельзя, нужно ждать весны.

К весне защитники Афин совсем ослабели от голода, и в пятнадцатый день месяца антестериона, а по римскому счету в мартовские календы, в полночь, легионы Суллы, разрушив часть стены между Священными и Пирейскими воротами, ворвались в город. Началась резня. Аристион продержался еще несколько дней на Акрополе, но все же был взят в плен. Его казнили вместе со всеми гражданами, занимавшими какие-либо государственные должности.

Афины пали. Не видя больше смысла защищать Пирей, Архелай со всем войском отплыл в Беотию. Залив кровью Афины, Сулла сразу же выступил за ним вслед.

Аттика совсем обезлюдела. Через месяц, дождавшись ровной погоды, горстка беглых пиратов наконец вышла в море.

– На дырявом корыте, которое нам досталось, мы два месяца ползли от острова к острову. Чуть не на каждом вынужденно задерживались, чтобы добыть жратвы. В конце концов, добрались до Родоса.

– Это и была цель?

– Да.

– Почему именно Родос? Насколько я знаю, там вашего брата крепко не жалуют.

– Эвдор туда рвался. Знакомства там у него нужные были. Не обманул, именно на Родосе мы и встали на ноги.

Из пирата Лидон вытряс немало интересного, хотя причитаний о том, что критянина покарали боги, вынудив связаться с дураками, которые не видят дальше собственного носа, выслушал куда больше.

Следователь потребовал, чтобы критянин дал словесный портрет Эвдора. Тот описал вождя, как человека высокого, широкоплечего, предпочитающего по возможности брить лицо и голову. Лидона заинтересовала одна деталь – по словам Дракила у Эвдора было открытое дружелюбное лицо, располагающее к приятному общению (критянин описал его в более крепких выражениях). Казалось, что стоит ему скорчить страшную рожу, этим он не напугает даже маленьких детей. Этаким добродушный здоровяк.

– Но внутри-то он гнилая циничная сволочь, – добавил критянин.

Такая характеристика из уст пирата вызвала улыбку не только у следователя, но даже у мрачного центуриона.

На главные вопросы ответов пока не было. Дракил понятия не имел, с кем за время их приключений встречался Эвдор и о чем говорил с этими людьми.

– Самое паршивое, что всех все устраивало, – вздыхал критянин, – он нам сует kota в мешке, а эти дурни и рады.

– И никто кроме тебя не возмутился?

– Нет. Да и с чего бы? Ублюдок удачлив. Кому какое дело, что он там проворачивает, главное – пришли на Родос с голой задницей, а ушли на своем корабле, и с деньгами. Как он и обещал.

К полудню у Дракила уже заплетался язык, да и Тит Варий взбунтовался, что мол, с самого утра сидим тут, не жравши.

– Легионеры... – улыбнулся Лидон, – война войной, а обед по распорядку.

– Тиберий, хватит, – взмолился Дециан, громко урчащий живот которого уже перекрывал сбивчивую речь критянина, – охота тебе выслушивать эту бессмысленную болтовню? Даже мне уже давно понятно, что он ничего важного не скажет. Или не знает, или скрывает. А от последнего есть лекарство получше слов. Чего ты добьешься, переливая из пустого в порожнее это пиратское житье-бытье, кого там обманули, да кого ограбили?

– Ладно, прервемся, – сжалился Лидон, – действительно, хватит пока, а то остальные заметят, что мы чего-то долго беседуем и расколуют раньше времени нашего разговорчивого критянина.

– Может тогда его отдельно? – спросил Дециан, – чтобы не удавили по-тихому.

Лидон подумал, прикусив верхнюю губу, отрицательно покачал головой.

– Нет. По уму бы надо каждого отдельно содержать, да

негде. Фракийца с Эномаем отсадили, а эти пусть сидят все вместе, чтобы не выделялись. А ты следи, чтобы не удавили.

Он посмотрел на Дракила и сказал:

– Я с тобой еще не закончил. Надеюсь, ты понимаешь, что не следует болтать о том, что рассказал нам?

– Не дурак, – буркнул критянин.

– Это хорошо. Только вот в твоих интересах не только про себя помалкивать. Выяснить у своих, кто тебя сдал, тоже не следует. Попытаешься – испортишь нам работу. И тогда тебя ничто не спасет. Понял?

Дракил кивнул.

– Тит, всыпь ему палок.

– За что?! – возопил критянин, – я же ничего не скрываю!

– Чтоб от остальных не отличался, – ответил Лидон, – всех били, а тебя нет. Это подозрительно. Терпи, если хочешь креста избежать. Или иного способа смертоубийства.

Дракила увели. Когда следователь с центурионом остались одни, Тит Варий задал давно мучивший его вопрос:

– Как ты узнал, что он критянин?

Лидон устало провел ладонью по лицу.

– Ты слышал, как он сказал – "домой возвращались"?

– Как? Нормально сказал.

– Нет. Не нормально. Он слово "домой" произнес – "фойкой", вместо "ойкой".

– И что?

– А то, что так в Пелопоннесе говорят. И еще критяне.

Потом он сказал "пратос", вместо "протос", "первый". Он – уроженец Пелопоннеса или критянин ¹⁴.

Дециан только губы скривил в восхищении и головой покачал.

– А про Ласфена откуда узнал?

– Ниоткуда, – ответил Лидон.

– А как тогда... – опешил Дециан, – так ты... Ну ты даешь, Тиберий.

– Слышал пословицу: "Обманул критянин критянина?" – усмехнулся Лидон, – к собеседнику следует относиться с большим вниманием. Будешь следовать этому правилу, зачастую подследственного даже не придется бить. Нет мелочей в моей работе.

– Да я бы в жисть не распознал эти самые фойки.

– Видишь, как полезно изучать языки и вообще, все время узнавать что-то новое? Вот я прежде с пиратами дел не имел, и не собирался, но разные рассказы о них мимо ушей никогда не пропускал. Пригодилось.

---

¹⁴ Таковы особенности произношения в дорийском диалекте.

Глава 2

Письмо доставили еще утром и старый вилик-домоправитель Дион, неспешной шаркающей походкой, которой он передвигался последние лет двадцать, отнес свиток в таблинний. Гонец ничего не сказал о важности и срочности послания, поэтому и беспокоить хозяина без нужды домоправитель не стал. Привычки главы семейства всем в этом доме хорошо известны: до полудня отец никогда не появлялся в своем рабочем кабинете, строго соблюдая этот обычай даже сейчас, в конце зимы, когда в горах еще лежал снег и полевых работ не велось. Домочадцы давно привыкли к этому и никто, даже старшие сыновья, которым уже за тридцать, не посмели беспокоить отца любопытством. Каждому овощу – свой срок.

В тот день отец находил тысячу причин, чтобы не появляться дома. Подолгу задержался в кузне, с несвойственной резкостью отчитал Стакира за какую-то не стоящую выеденного яйца мелочь, ругался с поварами на кухне. Всюду ему было не мило, не хорошо, а особенное раздражение почему-то вызвала занавеска, загораживающая вход в таблинний. Старая, выцветшая, давно пора было сменить, не позориться перед нечастыми гостями. Но ведь он лично повесил ее, тридцать лет назад вступив во владение домом после смерти отца. Повесил, как знак, что он теперь здесь хозяин. Ее сти-

рали, выколачивали пыль, но не меняли. И вот теперь она, словно черта невозвращения, отталкивала его, не позволяя переступить порог таблички. Сделай это – и мир изменится навсегда, пути назад не будет. Бестолковая тряпка, она воплотила в себе все его страхи, тяжелые думы.

Старик безуспешно пытался найти себе занятие. Оттягивал неизбежное, словно уже знал что-то такое, неведомое еще никому в доме и это знание жгло его душу. Будто дата его собственной смерти значилась в том письме. Как глубоко он ошибся бы, предположив, что никто не видит его состояния, не понимает, что происходит. Но нет, он никогда не оскорбит их, своих сыновей, свою жену и даже домашних рабов, неотделимых от членов семьи, отказав им в той прощательности, какой славится сам, какой пропитан каждый закуток немногословного дома.

– Тебе, Квинт, – прозвучало из-за занавески.

Отец не мог знать, что младший сын стоит здесь, в трех шагах, приблизившись совершенно бесшумно, ожидая приглашения войти. Не мог, но знал. Так же, как сам Квинт знал, кому адресовано это письмо и что в нем.

Несколько строк на воске, покрывавшем сложенную книжкой деревянную табличку, занимали едва половину одной ее стороны. Письмо не из тех, что годами хранят в семейных архивах, простое короткое послание и нечего трать ради него папирус.

Квинт пробежал глазами строчки. Да, все так. Они реши-

лись. Теперь то же следует сделать ему. Собственно, долго думать тут нечего.

– Я уезжаю, отец. Утром.

Старик кивнул и тяжело, словно на плечах его лежал неподъемный груз, опустил за свой письменный стол.

– Они набрали два легиона, – продолжил Квинт, – Серторий пишет, что хотел бы видеть в рядах трибунов не только мальчишек, избравшихся на этот год. Он помнит меня и зовет.

– Он пойдет сам?

– Нет. Легионы возглавит консул.

– Который? Не успеваю следить за ними, – проворчал старик, – месяц назад одни, сейчас уже другие...

– Валерий Флакк.

– Флакк? Он что-то стал понимать в военном деле?

– Ему в помощь придают Гая Фимбрию.

– Этого мясника? – поднял бровь отец, – ты понимаешь, куда все идет? Гражданская война!

– Нет, – уверенно ответил Квинт, – мы отправляемся, чтобы предотвратить ее. Консул сместит Суллу.

– Они полагают, что если Флакк открыто не поддерживал Мария, то Сулла ему подчинится. Это заблуждение, сын. Даже больше – это ошибка и она может стать роковой! Ты окажешься в самом пекле, между двух огней: с одной стороны Сулла, с другой Митридат.

– Я должен, отец, – упрямо нагнул голову Квинт.

– Но почему? Что тебе этот Марий?! Он – пепел на ветру!

– Не ради него...

– А ради чего? – раздался голос за спиной.

Квинт обернулся: так и есть, оба тут стоят, старшие братья, близнецы Марк и Луций.

– Ради вас. Прошлая война обошла наш дом чудом, а теперь на пороге новая.

– Ради нас... Красивые слова, – пробасил Луций.

– Я удержал тебя осенью, – медленно проговорил отец, – едва переборов твоё упрямство. Ты так рвался под знамена своего дружка Сертория, а посмотри, чем все закончилось? Марий залил Рим кровью. Дураки плачут о десятке зарезанных консуляров, а сколько перебито простого народа? Кто-нибудь считал? Сотни! Тысячи! Это гражданская война, Квинт, она уже идет, и ты один ее не замечаешь, пытаешься "предотвратить"!

– Серторий не виновен в тех убийствах, – возмутился Квинт.

– Не вали с больной головы на здоровую, – отрезал отец, – этот виновен, тот не виновен...

– Что же мне делать? Сидеть подле тебя, да свиней гонять хворостиной? Кто я? Зачем я? Вот они, – Квинт ткнул рукой в сторону близнецов, – твои наследники. А мне куда податься?

– Семь лет назад ты кричал мне тоже самое, – покачал головой отец, – так и не нашел себя?

– Нашел. Марий тоже был безвестным провинциалом, а каких достиг высот!

– И ты хочешь стать вторым Марием? – спросил Марк.

– Не важно, первым, вторым, десятым... Не быть мне скромным землепашцем. Я ступил на путь, с которого не сворачивают.

– Стакирова наука... – отец обхватил виски руками, словно у него раскальвалась голова.

– Нет, – покачал головой Луций, – он всегда был таким. Он выбрал свою судьбу, отец, отпусти его.

– Смог избраться в трибуны, сможешь стать и квестором, – не сдавался старик, с рождения младшего сына состязавшийся с ним в упрямстве.

– Через два года¹⁵. Что мне делать два года, когда вокруг рушится мир?

Никто не ответил, повисло тягостное молчание. Старик вздохнул и провел ладонью по лицу. Вздогнуло пламя свечи на столе. К чему этот разговор? Все решено уже давно. Быть может, еще при рождении малыша. Семь лет разницы с братьями, они так и не стали друзьями. Малыш всегда был... другим.

– Иди, Квинт, поцелуй мать перед сном. А утром уезжай пораньше. Да хранят тебя лары и Юпитер, Наилучший, Величайший...

Завернутые за спину руки едва ощущались, так же, как и

---

¹⁵ По закону Виллия (180 год до н.э.) возрастной ценз для квестора – 27 лет.

задница. Поначалу мысли путались, неудобная поза не способствовала сосредоточению. Он пытался придумать, как говорить со следователем, искал выход из сложившейся ситуации, но в голову поначалу лезла всякая бессмысленная чушь. Он думал, что уснуть не удастся, но верно, Морфей решил сжалиться над бедолагой, и положил ему на веки свинец. Глаза закрылись. Некоторое время он слышал беззлобную дружескую перебранку и сетование на холод пары легионеров, сидевших неподалеку, возле костра, разведенного перед палатками. Потом куда-то пропали и эти звуки.

В последнее время он спал без сновидений или мучился кошмарами. Балансируя на границе сна, еще даже не провалившись в него окончательно, он понял, что сегодня милости бога сновидений не ограничиваются спасительным забвением. Наконец-то бешеный галоп мыслей прекратился, и они потекли размеренно, как тихая река. Принесенное ею воспоминание было не из приятных, но, по крайней мере, в нем он, как наяву, увидел родных. Отца и братьев. Не хотелось пускаться в мысли прощание с матерью, в горле непременно образовывался комок. А вот разговор с отцом в памяти всплывал часто. Квинт вновь и вновь заставлял себя пережить его, сам не зная, зачем. Все слова давно сказаны, изменить ничего нельзя.

В близнецах отец видел свое продолжение, они были одного поля ягоды, он понимал их, а вот с Квинтом так не получалось. Всякий раз, услышав, о чем думает младший сын,

к чему стремится, отец с болью в сердце осознавал, что совершенно не знает его. А Квинт, наоборот, мысли отца словно книгу "читал". Мог легко предсказать, что тот скажет или сделает в той или иной ситуации. Он не видел, чем занимался Марк Север в тот вечер, после того, как благословил непутевого сына. Не мог видеть, но знал это наверняка, потому что, сколько бы не накопилось между ними непонимания, они, все-таки, были отцом и сыном.

Отец сидел за столом неподвижно, сторбившись и, в одночасье, постарев на несколько лет. Потом открыл сундучок со свитками, достал один из них, накрученный на два валика с утолщениями на краях, на одном из которых вырезаны буквы DCLXVI. Развернул, придвинул к себе письменные принадлежности...

В этом сундуке хранились дневники, Марк Север отмечал в них важные события, касающиеся его семьи и всей Республики. Каждый год – один свиток. На нижнем валике слоев десять папируса – записки недавно перечитывались. Последняя запись гласила:

"В январские иды умер Гай Марий".

С тех пор прошел месяц. Совсем скоро месяц Марса, Новый год. Уходящий был непростым, много смертей увидел Город, когда он начался, еще больше в конце.

Квинт знал, какая запись появилась в дневнике отца последней. Всего одна строчка. Она была написана сухо, отстраненно, как и большинство событий, сохраненных для

семейной истории. Но на самом деле кровоточила, словно незаживающая рана:

"В канун февральских ид Квинт уехал на войну".

Уехал, чтобы не вернуться...

В ноябре шестьсот шестьдесят шестого года от основания Города¹⁶, когда Гай Марий взял Рим и устроил резню, Квинту Северу исполнилось двадцать пять лет. Восемь из них он провел в армии. Его отец был римским колонистом в Самнии, всадником. Когда Квинту стукнуло семнадцать, он принял участие в выборах военных трибунов. Проиграл, ибо, обитая в сельской глуши, мало кому был известен. Тогда он заявил отцу, что все равно встанет под знамя Орла, пусть даже рядовым легионером. Печально вздохнув, Марк Север потратил довольно приличную сумму, чтобы через нескольких посредников навязать упрямого отпрыска в качестве контубернала¹⁷ проконсулу Титу Дидию.

Дидий воевал в Ближней Испании с кельтиберами. Там Север познакомился со своим тезкой, Квинтом Сертори-ем. Война протекала удачно и в следующем году, уже после окончания положенного года службы молодого контубернала, проконсул получил заслуженный триумф. Отличившегося на этой войне Севера заметили, он смог, наконец, избрать-

---

¹⁶ 87 год до н.э.

¹⁷ Контуберналы – юноши из знатных семейств, проходящие военную службу при штабе полководца. В более широком смысле – легионеры, делящие одну палатку (контуберний).

ся в военные трибуны и продолжил службу бок о бок с Серторием. Когда началась война с италиками, они вместе с нурсийцем оказались в армии Луция Цезаря, где одним из легионов командовал их общий покровитель Тит Дидий.

Триумфатор испанской кампании погиб в одном из боев. Серторий лишился глаза (чем, кстати, немало гордился, утверждая, что знак своей доблести всегда носит с собой). Квинт избежал тяжелых ран, но для него эта война тоже не прошла бесследно. Отец поддерживал дружеские отношения со многими соседями-самнитами. Квинт хорошо помнил, как за несколько месяцев до начала войны один из них, Инстей Статилий, прислал Марку Северу бочку старого вина в подарок на праздник Конкордии. И они все вместе пили это вино в честь согласия и доброго соседства, а потом поехали к Статилию в гости. У него были самые лучшие виноградники в округе.

А уже следующей зимой сосед висел, прибитый гвоздями к воротам его же собственного дома...

– Кто тут побывал из... наших? – спросил Квинт солдат, глядя на истерзанное тело соседа.

– Вроде Гай Косконий. Наверное, это его люди. Эх, не успели, вся добыча Косконию достались.

– Не ной, – одернул другой легионер товарища, – это не последнее поместье. Наскребешь еще себе добра по самнитским норам.

– Здесь не только самнитские поместья, – напомнил

Квинт, похолодев, – в округе много римских колонистов.

– Ну и ладно, командир, свои-то, чай, с радостью жратвой поделятся? Мы же за них кровь свою проливаем!

– Заодно и проверим, не осамнитились ли? – подхватили другие легионеры.

– Как проверишь-то?

– А по щедрости смотря!

Ужасы войны, пламя которой пылало не за тридевять земель, а на пороге родного дома навсегда отпечатались в памяти Квинта. Отец со всем семейством уехал тогда в Беневент. Виллу, каким-то чудом, не тронули, война обошла ее стороной, хотя всего в десятке миль от соседских поместий остались одни головешки.

После смерти Мария его сторонники собрали два легиона для отправки в Грецию. Ходили слухи, что консулу Валерию Флакку поручено сместить Суллу на посту командующего. Квинт, который теперь ничего не боялся сильнее гражданской войны, вцепился в эту идею, как утопающий в соломинку. То, что разговоры о смещении Суллы являются выдумкой досужих людей, Квинт, наивный двадцатипятилетний ветеран, разбиравшийся в военном искусстве куда лучше, чем в политике, не понимал.

Но Серторий, старший товарищ, объяснил другу суть происходящего.

– Ты думаешь, что Флакк просто придет в лагерь Луция Корнелия и одним красноречием превратит его в дрессиро-

ванного медведя, который на Сатурналиях веселит зевак? Ага, прямо в окружении бесконечно преданных Сулле ветеранов.

– Значит, я единственный идиот, который верил в это?

– Ты не идиот, просто молод и наивен. Сулла не сместить. Если он победит Митридата, он приобретет такое влияние, что курульные кресла под Цинной и его подпевалами сами собой задымятся.

– Что же делать? – на пренебрежительные слова Сертория в адрес прочих лидеров марианской партии Квинт не обратил внимания.

– Победить Митридата раньше, чем это сделает Сулла. Это принизит заслуги Луция Корнелия, прибавит нам сторонников из числа тех, кто еще колеблется. Нет триумфа – можно разговаривать. А если иначе – он на коне, а мы все в глубокой орковой заднице. Теперь ты понял, как предотвращается гражданская война?

Теперь он понял. И подтвердил свое участие в этом походе.

Во время морского перехода из Брундизия в Диррахий, корабли с легионами Флакка попали в шторм, многие погибли. Произошло это из-за того, что консул очень торопился и пренебрег советами опытных моряков. Легионеры начали роптать. В Македонии, в непосредственной близости от войск Суллы, Флакк вдруг растерял всю решимость. Солдаты, видя это, массово перебежали к Луцию Корнелию. Кон-

сул раздражал их еще и своей жадностью вкупе с надменностью. Кончилось все тем, что вскоре после переправы легионов через Боспор Фракийский (она все-таки состоялась, хотя и гораздо позже намеченного срока), Флакк поссорился с префектом конницы, Гаем Флавием Фимбрией, и тот, известный в Риме своей горячностью, убил консула, отрубил ему голову и бросил ее в колодец.

Трибуны пришли в ужас. Живо представили себе, как их за компанию с убийцей судят и казнят по обвинению в святотатстве и государственной измене. Даже не столь впечатлительные центурионы имели весьма растерянный вид. Квинт поинтересовался, что Фимбрия собирается делать дальше.

– Воевать с Митридатом, для чего я и присоединился к походу, – ответил Гай Флавий, – мне надоело топтаться на месте, я сюда пришел не в носу ковыряться.

Легионеры поддержали Фимбрию. Им хотелось побед и добычи, а новый командующий все это мог дать. Военный опыт Фимбрия имел большой, за это его марианцы и представили к бестолковому консулу. Гай Флавий, происходил из весьма знатной фамилии, его отец даже был консулом, но сын по стопам родителя продвинуться не смог, зато прослыл первым забиякой в Риме, а также искусным кавалеристом, не только наездником, но и командиром. Подобную репутацию имел и Север, заслужив ее в Испании, поэтому Фимбрия относился к нему симпатией. Вскоре после того, как Гай Флавий возглавил легионы, у него с трибуном состоялся разго-

вор "по душам".

– Мне нужен человек, который понимает, что конницу можно использовать не только для разведки. Я дважды слышал про твою атаку под Термесом. От одного декуриона, а потом и от самого Дидия. Читал про Александра?

– Попадалось кое-что, – кивнул Квинт, – как раз там в Испании. Какой-то кусок из Птолемея, без начала и конца.

– Это хорошо, что читал. А еще лучше, что сообразил, как применить на деле. Я с восемнадцати лет служу в кавалерии, еще Югуртинскую войну застал. Сейчас тяжело найти опытного командира, соображающего, как правильно руководить конницей. Север, конница Митридата превосходит нашу количественно и качественно, но упрямые пешеходы, возомнившие себя полководцами, ее недооценивают. Три наших армии Митридат уже разбил. Три, Север!

– Сулла взял Афины и победил под Херонеей без превосходства в коннице, – спокойно ответил Квинт.

– Сулла... – оскалился Фимбрия, – пусть Сулла бьет понтийцев там, в Греции. Войну можно выиграть только здесь, в Азии. Только здесь, Север, где средоточие мощи Митридата! Тому, кто одержит победу здесь, вся слава и достанется. А Сулла пусть возьмет хоть сто Афин.

– Мечтаешь о славе Александра? – прищурился Север, вспоминая слова Сертория.

Фимбрия внимательно посмотрел ему в глаза, но не ответил.

Квинт, у которого не осталось выбора, согласился на должность префекта конницы, и легионы выступили вглубь Вифинии. Фимбрия искал войско Митридата. И нашел его.

– Эй, фракиец, не спи, замерзнешь.

Дециан несильно пнул Квинта в бок. Тот поднял голову. Центурион присел на корточки рядом.

– “Что ты знаешь о холоде? – спросил его Квинт”, – говорят, у вас в Риме, снег идет раз в пять лет, да и то всего день.

– Да уж знаю, не меньше твоего. В пустыне вот снега нет, днем нестерпимая жара, а ночью зуб на зуб не попадает.

Квинт усмехнулся.

– Не веришь? Зря. Довелось мне, зеленому сопляку, повоевать с Югуртой.

Дециан почесал горло, заросшее трехдневной щетиной.

– Вот скажи мне, как ты, фракиец, связался с этими киликийскими говноедами?

– Они не киликийцы, это купеческое судно из Массалии, – сказал Север, – и вы нас задержали незаконно.

Все существо Квинта бунтовало против разговоров с дознавателями. Он понимал, что стоит сказать одно слово, вытянут и десять. Но молчание выглядело бы подозрительно для легенды, придуманной Аристидом, поэтому Квинт решил не заператься. Врать он никогда не умел, и любой незнакомец в два счета определил бы, когда он лжет. Поэтому говорить следовало лишь правду. Не всю, разумеется, и только ту, что не пересекалась с “правдой” других.

– Ну да, ну да... – покивал центурион, – я и забыл совсем. Только вот Массилия от Фракии еще дальше будет, чем Киликия. Как тебя к ним занесло?

– Искал кое-кого, – буркнул Квинт.

– Кого?

– Не важно.

– Ошибаешься, фракиец, для нас все важно. А твое дело на вопросы отвечать. И лучше без упорства, пока я с тобой столь мягко разговариваю. А мне, знаешь ли, мягкость не свойственна.

"Еще бы она была свойственна центуриону", – подумал Квинт.

– Веришь, сам себе удивляюсь, почему ты, такой дерзкий, все еще не в кровавых соплях и зубы целые? – добавил Тит Варий.

– Зубы мне, пожалуй, еще пригодятся, – сказал Квинт.

– Тогда отвечай. Кого искал?

– Женщину.

– А что, у вас во Фракии бабы кончились? – хохотнул Дециан, – что тебя на край света понесло?

– Это моя жена.

– Жена? Сбежала?

– В рабство продали.

– Пираты, что ли? Потому среди них и толчешься?

– Вы, римляне, продали, – мрачно ответил Квинт.

Дециан усмехнулся.

– А ты, не иначе как, мстить собрался, фракиец? Решил к мятежнику Серторию податься, чтобы с нами воевать? То и предложил главарю вашему, Эвдору. Я угадал?

Квинт вздрогнул, сжал зубы. Кто-то сломался? Или центурион просто услышал, как Койон упоминал имя Эвдона там, на квинквереме? Тогда с чего он взял, что это главарь? Или он этого не знает, а просто провоцирует? Квинт слышал о таких способах дознания. Надо держаться настороже.

– Какому еще Эвдору?

– Не знаешь?

– Первый раз слышу.

Дециан прищурился.

– Ну, хотя бы ты точно не критянин. А знаешь, фракиец, я тут подумал – ты ведь по-гречески говоришь лучше меня.

Квинт выругался про себя.

– Видать, не из звериной норы выполз, в городах жил. Скорее всего, с детства. А может ты знатного рода? Часом не из боспорских Спартокидов? А, Спартак?

– Не удостоился такой чести, – сказал Квинт.

– Ну-ну, – насмешливо протянул центурион, – я как-то краем уха слышал, что боспорского царя рабы укоротили на голову. Может ты его отпрыск?

Квинт не ответил. Дециан поднялся на ноги.

– Ладно, посиди тут еще, дойдет и до тебя черед.

Он повернулся и пошел прочь.

Квинт почувствовал легкий озноб. Вот так они пустой, на

первый взгляд, болтовней все и визнают. Проклятье...

"Не из боспорских ли ты Спартокидов?"

Однако неплохо центурион осведомлен о делах заморских почти тридцатилетней давности. Почему нет? Ему, на вид, около пятидесяти и, судя по всему, ранг имеет высокий. До такого дослуживаются те, кто не только умеет лихо мечом махать и охаживать палкой плечи нерадивых солдат, но и мозги имеет. Опасный человек. На первом допросе Квинт его недооценил. Подумал, что опасность здесь представляет только пронизательный корникуларий. Как оказалось, не только. С центурионом тоже следует держать ухо востро. Да вообще со всеми.

Теперь они за произношение ухватятся. Может и правда, сказатья фракийцем с Боспора? Сыном одного из тех, что служили Перисаду, последнему тамошнему царю? Уж на незнании боспорских дел его не подловишь.

Квинту семь лет, и он с любопытством поглядывает из-за угла на незнакомого молодого парня, сидящего возле кузни. В руках у парня кусок воска, он мнет его быстрыми уверенными движениями.

– А что ты делаешь?

– Фигурку.

– Да? А что это будет?

– Конек. Скакал долго. Устал, отдохнуть прилег.

– Дай посмотреть. Красивый. Ты его из воска слепил?

– Да.

– Жалко. Воск непрочный.

– Непрочный. Медь прочная

– Из меди сделаешь? Хочу! А как из меди-то? Ее руками

так не помнешь?

– Опока будет. Вот такая.

– Ящик без дна? А фигурка внутри?

– Да. Земля вокруг. Медь – вот сюда лить. Остынет, до-

стану.

– А фигурка куда денется?

– Воск растает. Будет медь.

– Ты кузнец?

– Кузнец.

– Раб?

– Раб.

– А кто твой хозяин?

– Твой отец. И ты.

– Я тебя раньше не видел. Тебя недавно купили? Как тебя зовут?

– Как хотят, так и зовут. И ты, как хочешь, зови.

Его звали Стакир. Ему было около двадцати трех лет, когда он появился в имении Марка Севера. Отец купил его на рынке в Неаполе, заплатив приличную сумму в полторы тысячи денариев. Кузнец Афраний, которому подбирали помощника вместо умершего недавно от болезни раба, осмотрев, ощупав молодого парня, и перекинувшись с ним несколькими фразами, сказал Марку, что за этого денег луч-

ше не пожалеть. Отец и Афраний общались с рабом на греческом, ибо тот почти не знал латынь. Греческий язык не был ему родным, но раб прекрасно владел им, да и латыни быстро учился, обладая большими способностями к языкам. И это был только один из его талантов.

Стакир стал трудиться в кузнице и вскоре Афраний заметил, что парень может гораздо больше, чем быть на подхвате, выполняя самую простую и грубую работу. Кузнец был уже стар. Бывший раб еще отца теперешнего главы фамилии, а ныне вольноотпущенник, присоединивший к своему личному имени родовое имя бывшего хозяина, Север Афраний давно подыскивал себе ученика. Он нашел его в этом задумчивом парне из очень далеких краев, где замерзает море. Вскоре оказалось, что старик, всю жизнь работавший лишь на обеспечение семьи Северов и их рабов необходимыми инструментами и утварью, почти ничего не может преподать ученику. Наоборот, молодой ученик способен поучить старого мастера. Семья Северов впервые смогла выставить на продажу на рынках Капуи и Беневента кузнечные изделия. Простые и обыденные, вроде медных котлов, но таких, при виде которых знатоки восторженно цокали языками.

Афраний, по его собственным словам, был уже слишком стар для ревности, но его, как и всех прочих, чрезвычайно интересовало, где и как молодой раб обрел такое искусство. Стакир лишь загадочно улыбался и почему-то забывал половину латинских слов, ограничиваясь туманными оговорками

на греческом, который, хоть и понимали практически все в доме, но обычно не использовали. Глава семьи не был жесток к рабам и не тянул сведения из них клещами. По правде сказать, его гораздо сильнее волновал солидный прирост дохода, который обеспечивал Стакир.

Младший из хозяйских сыновей, семилетний Квинт, буквально прилип к новому рабу, не отходя от него ни на шаг. Мать посмеивалась, глядя, как сын, высунув от усердия язык, лепит из воска собаку. Собака похожа на свинью с лисьим хвостом, но для Квинта это был шедевр, сравнимый с лучшими работами Лисиппа.

– Пройдет, – отвечал матери отец.

Двое старших сыновей, близнецы, Марк-младший и Луций, уже всюю привлекались к управлению семейным владением. Марк Север не держал много рабов, он не был богачом-латифундистом, проводящим дни в праздности, и ценил труд превыше всего. К тому же, какой отец не хочет, чтобы дети его прожили лучшую жизнь. Вот и экономил глава фамилии на всем. Не тратился на рабов, многое делал сам, любил плотничать. Квинт подрастет, тоже будет помощником, а пока пусть себе лепит фигурки. Пройдет.

Прошло. Пусть и не полностью, пусть не навсегда. В этом возрасте увлечения меняются быстро. Если бы знал Марк, какие еще есть таланты у его доходного раба. И чему он учит его сына. А, впрочем, что бы изменилось? Младший сын, третий, совсем мало шансов стать господином в отцовском

доме. Видать все к тому шло. Еще с тех самых пор...

– Неправильно руку выворачиваешь, вот так надо.

– Так?

– Да. Давай еще.

– Н-на!

– Лучше. Только вес перенес слишком сильно вперед.

Смотри.

– Эх!..

Квинту двенадцать. Он лежит на земле. Он ложится на нее уже, наверное, в двадцатый раз за последний час. Или в тридцатый? Со счета сбился. Все тело в синяках, туника в пыли, измята, кое-где уже и порвана, вот мать-то задаст. Он серьезен, нижняя губа закушена, между бровями пролегла сердитая складка.

– Почему?

– Вставай. За ногами следи.

– Разве другие следят? Ты вообще не смотришь!

– Ты, молодой господин, не знаешь, куда я смотрю и о чем думаю.

– Ха-ха, не знаю я, о чем он думает! Сам видел, как ты третьего дня Диону-повариху за грудь лапал! А!.. Ты что?! Я не успел...

– Успевай. Никто ждать не станет, пока ты речь скажешь. А на чужие груди заглядываться, женилка еще не отросла. Беспочуйся пока о том, чтобы твоя грудь была, как у того

гладиатора на прошлых Сатурналиях¹⁸. Как его там?.. Вроде Гераклом кличут... А будешь все время пироги с кухни таскать, отрастет пузо, как у свинопаса Алфиция.

– У него же не от пирогов... Так как за ногами-то следить? Я за твоей палкой-то следить не успеваю...

– Твое тело само все делать будет. Но потом. А пока ты думай, что и как делаешь. Пока думай, потом само будет получаться. Десять раз вот такой шаг сделаешь, сто, тысячу, десять тысяч, потом не будешь думать, ноги сами шагнут.

– Ага. Тысячу...

– А ты как хотел? Все сразу? Давай снова. Медленно сначала. Еще раз покажу. Вот так. Руку выворачивай. Вот так, шаг сюда. Бей. Не так, дурья твоя башка! Еще раз. Так. Теперь быстро. Так...

Он снова на земле. Палка, которой он отбивался от Стакира, улетела в кусты, но он не спешит идти за ней. Сидит, потирая запястья, пытаюсь осмыслить неудачу. Хмурится. Стакир сидит на корточках рядом. Странная это у него привычка, как будто в отхожем месте присел. Все над ним из-за этого смеются. Иногда и он сам.

– Слушай, Стакир, а тебя никто не сможет победить? Даже тот Геракл, который двух самнитов¹⁹ за раз уделал?

– Сможет. Много кто сможет.

---

¹⁸ Сатурналии – декабрьский праздник в честь Сатурна.

¹⁹ «Самниты» – гладиаторы, выступавшие в традиционном вооружении племени самнитов.

– Почему? Я не могу.

– И ты сможешь. Ты свободный. У тебя два старших брата. Отец землю делить не станет. Куда тебе? Только под Орла становиться. Станешь воином и победишь меня. А я давно уже не воин. Вон, обручи для тележных колес кую.

– Но ведь ты был воином?

– Был. Совсем недолго. Мало времени досталось учиться...

Большинство римлян изучало греческий язык. Владение им – признак хорошего воспитания. Высокомерные чудаки, вроде Гая Мария, брезговали этим, говоря, что не пристало им тратить время на изучение речи покоренных и потому презираемых греков. Но таких не много. Когда один из основных потоков рабов идет с востока, где все говорят по-гречески, как не учиться? Марку Северу не приходило в голову потратиться на учителей для своих сыновей, но в доме половина рабов – греки. Как-то само собой выходило, что все друг друга понимают. Но все же римлянин навяжет рабу латынь. Все со Стакиром говорили на латыни. Чтобы быстрее научился. Он научился. Но был немногословен. И только младший сын хозяина говорил с кузнецом по-гречески. Только он один, из всех домочадцев и рабов, смог разговаривать Стакира.

– Мне исполнилось девятнадцать, когда я впервые убил человека. В двадцать два я снова стал рабом...

– Снова?

– Я был рабом до того, как взял в руки меч.

– Ты взбунтовался? Бежал от хозяев?

– Я не бежал. Я стал воином рабского царства.

– Разве есть такое?

– Было... Теперь нет.

– Как называется твой народ, Стакир?

– Мы зовем себя сатавками. Греки зовут скифами-пахарями.

– Так ты скиф? Я слышал, скифы – лихие наездники. Они никогда не слезают с коня, едят на нем, спят на нем. Даже мочатся, не сходя с коня. Я попрошу отца, он даст тебе коня, и ты мне покажешь...

– Я плохой наездник, молодой господин.

Он попал в рабство еще ребенком, когда отец продал его, чтобы прокормить остальных детей. Мальчик угодил в услужение в дом златокузнеца из Пантикапея²⁰, богатого и имевшего много мастерских-эргастериев, что давно позволяло ему не работать самому. Хозяин заметил способности мальчика и стал его учить. К девятнадцати годам Стакир уже стал неплохим мастером. Хозяин был доволен способным рабом, часто хвалил его и даже обещал женить. Кто знает, как сложилась бы судьба юноши, если бы не гроза, прокатившаяся над Боспором²¹.

---

²⁰ Пантикапей – современный город Керчь в Крыму, в описываемое время – столица Боспорского царства.

²¹ Боспор или Боспорское царство – эллинистическое государство в Крыму,

Царская династия Спартокидов хирела и дряхлаела, расточая казну на роскошь и оргии, все туже затягивая петлю на шее простого люда. Последний царь, Перисад V, передал царство под руку Митридата Эвпатора. Это не понравилось многим, в том числе кое-кому из знати. Знать попробовала воспротивиться прибывшему из-за моря полководцу Митридата, Диофанту Синопейцу, но в ходе выступления неожиданно высвободились силы, совладать с которыми не смог никто. Взбунтовались рабы, и ярость их гнева оказалась такова, что прославленный полководец еле унес из Пантикапея ноги. Во главе восстания встал некий Савмак. О нем говорили разное. Будто бы он был вскормленником Перисада, его приближенным. Или скифским царевичем. А некоторые уверяли, что он раб. Что из слухов было правдой, Стакир не знал. Он не знался с царями, ни с боспорскими, ни со скифскими. С рабами дружбу водил далеко не со всеми, ибо числился в "хороших" рабах. Умытый, причесанный, всегда одетый в чистый хитончик. Трудится себе в мастерской над очередной золотой побрякушкой. Ждет, что скоро в постельку к нему подложат девушку. Может, даже красивую. Какие бунты? Что у него может быть общего с рыбаками, дикими, звериного вида рабами из рыбозасолочных мастерских? Его мнения никто не спросил, когда город утонул в пучине народного возмездия, потянув за собой все царство. Погиб

расположенное возле Боспора Киммерийского (Керченского пролива). В описываемое время было зависимым от Митридата.

хозяин со всей семьей, погибли многие из его соседей. Что было делать Стакиру, когда кругом рушился мир? Ты раб? Раб. Бери раб дубину и бей хозяев по башке. Ничего особенно плохого в своей рабской доле он не видел, но поразмыслив, осознал, что пути назад нет. Мосты сожжены. Так он стал воином в рабском войске. Вернее, в царском, ибо Савмака восставшие провозгласили царем.

Царя Савмака Митридат, разумеется, не признал и, оставив рабское царство в покое на зиму, когда мореплавание на Понте невозможно, весной вновь отправил на Боспор Диофанта, с новой силой. И эта сила разрушила царство рабов. Меньше года оно простояло, но угли пожара тлели много дольше. Стакир уцелел при падении Пантикапея и еще два года сражался в горах Тавриды в разрозненных, добываемых отрядах рабов. Сражался и в строю, и без строя, разным оружием и без него, руками понтийские глотки рвал. Учился быстро и толково. Немного в нем осталось от хорошего раба. Но, все же, судьба не была благосклонна к восставшим. Стакир попал в плен. Его не казнили, как некоторых из его товарищей. Рабы-скифы считались строптивыми и их старались продать, как можно дальше от родных краев. Чтобы даже те ни мысли о побеге не возникало. Так его занесло в Италию.

– Тебя везли на корабле?

– Да.

– Тебе понравилось? Я еще никогда не выходил в море, да и видел раза три всего, когда с отцом ездили в Неаполь.

– Не понравилось.

– Погода была плохая?

– Не знаю. Не видел. Нас держали под палубой. Там было очень тесно. Несколько десятков мужчин и женщин. Голых, потеющих, блюющих и ходящих под себя. И я потел, ходил под себя вместе со всеми. Желудок выворачивало наизнанку.

Квинт замолчал тогда, пораженный до глубины души словами своего раба, которого он считал лучшим другом. Ему еще никогда не приходилось задумываться об этой стороне такого обыденного и привычного дела, как рабовладение.

Позади раздались голоса. Что-то негромко проворчал Аристид. Повернув голову, насколько возможно, Квинт краем глаза увидел, как легионеры освободили Пьяницу и куда-то увели. На допрос, очевидно. Счастливчик, хоть немного разомнет затекшие мышцы. Определенно, сидение в неудобной позе становится невыносимым. Да еще и на голой земле. Квинта уже пару раз выворачивал наизнанку кашель. Еще не хватало заболеть.

Интересно, если на кресте висеть с лихорадкой, получится сдохнуть побыстрее, или мучения, наоборот, продлятся дольше? Север невесело усмехнулся.

Где-то в районе десятинных ворот²² визжали пилы и стучали топоры. Мимо Квинта промаршировало несколько десятков вооруженных лопатами солдат во главе с центурио-

---

²² Десятинные (декуманские) ворота – это название лагерные ворота получили из-за того, что возле них традиционно располагались палатки десятой когорты.

ном. В обратном направлении крепко сбитый легионер протащил на плечах блеющего барана. Другие солдаты тащили за ним какие-то туго набитые мешки и мокрые кожаные ведра, напоминавшие по форме грушу.

Часа через полтора (может раньше, может позже, сказать по правде, чувство времени Квинту сейчас отказывало) по лагерю поплыл дразнящий аромат чего-то съедобного, но кормить пленника, похоже, никто не собирался. Встревоженно заурчал живот. Остро ощущались и иные телесные потребности.

Утром сводили до выгребной ямы, и дали выпить кружку воды. Теперь она просилась наружу.

– Эй, парень, – Квинт по-гречески обратился к часовому, скучавшему поблизости, – мне до ветру надо.

Солдат и ухом не повел.

– Ты что, глухой? Я тебе говорю, легионер.

Он повтор эти слова дважды, прежде чем часовой обратил на него внимание и бросил:

– *Claude os tuum.*

"Рот закрой".

Солдат был очень занят, сосредоточенно ковырялся в зубах, похоже, недавно пообедал. Квинт сглотнул слюну.

Есть несколько латинских фраз, которые в устах варвара, моряка, подозреваемого в пиратстве, не вызовут удивления. По крайней мере, объяснить знакомство с ними было бы не сложно. Если, конечно, дадут возможность объяснить,

поскольку фразы эти... А, будь, что будет. Если забьют до смерти, так даже к лучшему. Не хватало еще обгадиться прямо под себя. Падать дальше просто некуда. Приняв решение, Север громко и отчетливо спросил:

– Carut in ano?

Легионер оставил свои зубы в покое и удивленно взглянул на пленного.

– Quid dixisti?

– Что слышал, – процедил Квинт и добавил, – turturilla.

Это, казалось бы, совершенно безобидное словечко – "горлинка", в среде легионеров обозначало мужеложца. Квинт знал, что за такое его сейчас будут убивать. Так и случилось.

Солдат несколько секунд ошалело хлопал глазами, потом побагровел, подхватил щит, на который опирался, одним прыжком подлетел к пленному и заученным движением обрушил кромку щита прямо на его голову. О том, что с ним сделает начальство за убийство пленного, легионер не подумал, он ничего не соображал от бешенства. Видать Квинт, предположив, что голова у солдата находится в заднице, не ошибся. Север рванулся, что было сил, извернулся всем телом, и убрал голову из-под удара. Подставил плечо. Легионер не ожидал такой прыти от обездвиженного противника и промахнулся. Щит врезался в колесо, к которому был привязан Квинт. Хрустнуло дерево, Север рванулся снова и выдрал из обода и ступицы пару спиц, к которым были притя-

нуты веревкой его локти.

Легионер замешкался, а пленник, напротив, развивая успех, подкатом сбил его с ног.

– *Perge ad corvos, fellator!* – заорал Квинт, что было мочи, и, лежа на спине, ударом обеих ног вышиб из легионера дух.

На шум сбежались солдаты, налетели на Квинта, принялись избивать. Пинали недолго. Через минуту появился опцион и приказал прекратить безобразие.

Севера рывком подняли на ноги. Опцион орал на него, брызгая слюной, и потрясал у лица кулаком, пахнувшим чем-то съедобным. Квинт не понимал ни слова, словно действительно забыл родную речь.

Наконец, кто-то догадался сбегать за Децианом. Центурион, явившись на место побоища, удивленно взглянул на сломанное колесо, на помятого Севера. В деле он разобрался быстро.

– Так. Я смотрю наш варвар не в меру борзый. Сводите уже засранца к отхожей яме, а после тащите к преторию. Посмотрим, что он там запоет. А этому дурню, – указал центурион на побитого Квинтом легионера, – двое суток стояния у позорного столба.

– За что?! – возопил тот.

– За разговоры с пленным и за то, что он от тебя сбежал. А будешь верещать, еще и розог получишь.

Дециан окинул взглядом собравшихся солдат и рыкнул львом:

– Разойтись, болваны!

Глава 3

На допрос его повели, когда солнце уже миновало зенит. Вернее, не повели, а потащили: ноги у Аристиды затекли так, что самостоятельно передвигался он с трудом. В претории Лидон любезно предложил ему табурет. Аристид сел, растер ладонями предплечья и локти, помассировал шею.

– Надеюсь, тебе не доставили слишком больших неудобств этой ночью, любезнейший Эномай? – учтивым тоном поинтересовался следователь.

– О нет, – ответил Аристид, – вы, римляне – само гостеприимство.

– Вот и хорошо.

Аристид огляделся по сторонам. Тащившие его легионеры вышли из палатки, Дециана тоже нет. Стало быть, предстоит разговор наедине. Неплохо.

– А где этот вчерашний мордovorот? – спросил эллин.

– Хочешь с ним побеседовать? Считаешь, у нас разговора по душам не выйдет?

– Ну что ты, почтенный Лидон, мы же не варвары, какие-нибудь.

– Верно, не варвары. Ну что, приступим? Сразу поинтересуюсь, ты ничего не хочешь мне сказать?

– Хочу, – твердо заявил Аристид.

– Я весь внимание.

– Хочу заявить свой протест. Вы не имеете никакого права нас задерживать. Этот ваш центурион обвинил нас в пиратстве без всяких оснований и доказательств. "Меланиппа" – купеческий корабль, я – мирный торговец, а мои люди – честные моряки. Нам не повезло, мы попали в шторм и вынуждены были выбросить за борт весь груз.

– Свинцовые слитки, – кивнул Лидон.

– Да.

– А как обычно идет торговля? Ты только поставками с рудников занимаешься?

– По-всякому бывает, – пожал плечами Аристид, – в чем удастся увидеть выгоду, тем и торгую. Спрос на свинец не постоянен, но как раз сейчас мне удалось узнать, что архонты в Массилии собираются строить новый водопровод, вот я и рассудил, что потребно будет много свинцовых труб.

Правдоподобно. Тиберий слышал об этом, когда войска Луска направлялись в Испанию.

– Как же ты высматриваешь выгоду?

– Ну-у, – протянул Аристид, – как все делают? Держу глаза и уши открытыми, расспрашиваю, подслушиваю, плачу доверенным и агентам. По-разному бывает. Боюсь, утомить тебя, почтенный Тиберий, неинтересным рассказом о торговых тонкостях.

– А может я всю жизнь мечтал, уйдя со службы, заняться торговлей? – улыбнулся Лидон.

– О, в таком случае, я целиком и полностью к твоим услу-

гам.

– Благодарю, весьма тронут. Как раз сейчас я ломаю голову над некоей странностью. Не сможешь ли разобраться?

– Охотно.

– Прекрасно. Суть вот в чем. Полагаю, ты не станешь оспаривать тот факт, что до свинцовых рудников в Новом Карфагене от Массиллии, в сущности, рукой подать? Несколько дней морем.

– Разумеется. Потому я и езжу туда. Что тебе в этом видится странного?

– В этом-то, как раз, ничего. Странность в другом. Если ты согласен со мной, что в Новый Карфаген ездить намного выгоднее, то как же тебя занесло в Лаврион?

Лидон внимательно следил за лицом арестованного. Тот удивленно поднял бровь.

– Куда?

– В Лаврийские горы. В Аттику. На рудники. Разве не там ты познакомился с Эвдором?

Аристид не изменился в лице, но ничего не ответил. Молчал. Лидон смотрел ему прямо в глаза. Выдержав паузу, сказал:

– А ты не дурак, Эномай. Сразу все понял. Я, признаться, ожидал, что ты спросишь, о каком таком Эвдоре я толкую и придется тебя убеждать, что закираться бессмысленно. Я и так все узнаю. Уже многое узнал.

– Что ты узнал? – насмешливо спросил Аристид, – не пы-

тался сосчитать, сколькими бранными словами поносил меня и Эвдора этот ненавидящий всех и вся сукин сын? Поверил на слово критянину? Неужели думаешь, что тот, кто хотел возвыситься, но оказался обойден, сможет говорить об обидчике своим беспристрастно?

Лидон хмыкнул.

– Что ж, я не ошибся в тебе. Ты действительно умен. Сразу догадался, чей язык развязался, хотя мы допросили несколько человек. Понял, что не стоит запираяться. Это несказанно радует меня. И, должен сказать, ты ошибаешься, если думаешь, что я безоговорочно поверил всем словам Дракила. Он действительно не может скрыть свою заинтересованность.

– Ты немножко противоречишь сам себе, уважаемый, – заметил Аристид.

– В чем же? – удивился Лидон.

– В том, что, с одной стороны, видишь пристрастность критянина и явный наговор, а с другой – веришь его обвинениям. С чего ты взял, что мы промышляем морским разбоем? Только потому, что критянин сознался в пиратстве?

– Даже так? – Лидон откинулся на спинку кресла, – стало быть, ты не пират?

– Конечно нет, разорви меня Кербер.

– Врать нехорошо. Зачем ты подговорил своих людей отрицать, что судно, как котором скрылся Эвдор – тоже ваше?

– Вы нас хватаете по подозрению в морском разбое, в компании с судном, в котором разве что какой-нибудь сухопут-

ный варвар не заподозрит пиратское! – Всплеснул руками Аристид. – Проще все отрицать, чем оправдываться.

– Проще, – кивнул Лидон, – вот только тому, кого один раз поймали на лжи, уже нет доверия.

– Я все же постараюсь заслужить его, – пообещал Аристид, – все объясню.

– Уж постарайся. Надеюсь, ты не станешь отпираться, что был рабом в рудниках?

– Не стану. Было дело.

– Как же ты попал туда?

Аристид помолчал, прокашлялся, еще раз оглянулся вокруг, словно опасаясь, что кто-то беззвучно зашел в палатку и стоит у него за спиной.

– Еще вчера ты угадал правильно, я – афинянин. Моя семья довольно влиятельна. Была...

– Что же случилось?

– Не на тех поставили, – грустно усмехнулся Аристид и пояснил, – когда Аристион и его подпевалы начали мутить воду в Афинах, чтобы город переметнулся к Митридату, я сразу сообразил, чем все закончится. Пытался переубедить народ. Не преуспел. Сейчас давно миновали времена суда черепков. Противников устраняют иными способами. Меня обвинили в государственной измене.

– Так значит, ты наш союзник, – скептически хмыкнул Тиберий.

– Я не ваш союзник, – возразил Аристид, – я союзник сво-

его родного города. Изменили Афины Риму или нет, с точки зрения Рима, мне безразлично. Я в том каяться не собираюсь. Меня волнует лишь то, что я предвидел, к чему это приведет и пытался предотвратить худшее.

– Допустим, – кивнул Лидон, – ты не пират. По крайней мере, не был им до Лавриона. А потом? И почему ты уверен, что среди твоих людей нет пиратов? Ты же никого из них прежде не знал?

– Не уверен. Более того, знаю, что, по крайней мере, Дракил точно занимался этим ремеслом. Он слишком настойчиво звал нас под знамена Ласфена.

Имя знаменитого пиратского вождя Тиберий называл только при Койоне и тот факт, что оно слетело с уст Аристида без принуждения, прибавил Лидону уверенности в искренности слов пленного.

– А кем был Эвдор?

– Понятия не имею, – покачал головой Аристид, – он и теперь для меня – темная лошадка.

– "Меланиппа"²³, – улыбнулся Лидон, – кстати, как вам досталось это судно? Дракил говорил, что на Родос вы пришли на дырявом рыбацьем корыте.

– Купили, – не моргнув глазом ответил Аристид.

Лидон недоверчиво поднял бровь.

– Вот как? И где взяли деньги? Ограбили богатого купца?

– Что-то ты, уважаемый, прямо повернут на грабеже и

---

²³ Меланиппа (греч.) – «черная кобыла».

разбое, – улыбнулся Аристид.

– Работа такая, – ответил Лидон, – ну так что там с деньгами?

– Эвдор все провернул. У него на Родосе отыскались надежные связи. Благодаря им мы и встали на ноги...

На Родосе Эвдор привел их в довольно невзрачный двухэтажный дом с внутренним двориком, расположенный возле юго-восточной городской стены. Этот район города, хотя и не самый удаленный от торгового порта, был наиболее грязным, жилье здесь стоило дешево и, в основном, сдавалось внаем. Снимали его купцы, из тех, что победнее, а также разнообразный сброд, стекавшийся на Родос со всего света и не имеющий возможности остановиться на государственном постоялом дворе, поскольку государство помогало с жильем только гражданам дружественных полисов. В нынешнее безвременье, когда друзья менялись каждый день, да не по разу, немногие могли похвастаться, что связаны с Родосом узами гостеприимства. Одними из этих немногих были римляне.

С Римом у Родоса сложные отношения. И те, и другие помнили, как Родос в Третью Македонскую войну, почти сто лет назад, выступил на стороне царя Персея против Рима и проиграл. Сейчас все изменилось. Родос очень страдал из-за торговой конкуренции с подвластными Понту городами, заметно усилившейся с приходом к власти Митридата Эвпатора. И островное государство решилось бросить царю вызов. Наварх Дамагор, командующий небольшим флотом, в кото-

ром служили хорошо обученные, опытные и дисциплинированные моряки, смог одержать несколько побед над флотоводцами Митридата. Огромный, но плохо управляемый понтийский флот был неоднократно бит и рассеян по всему Восточному Средиземноморью. Взять Родос штурмом и осадой, царь не смог. Морская блокада острова протекала малоуспешно.

Пословица гласит: "Враг моего врага – мой друг". Вот и возникла на почве вражды с Митридатом нынешняя дружба Родоса с Римом, почти любовь. Но только внешне. На деле же не все так просто – Рим, как предусмотрительный хозяин, не складывающий все яйца в одну корзину, одновременно поддерживал Делос, объявив его свободным, беспошлинным портом, что не хуже Митридата потихоньку душило родосскую торговлю. Впрочем, сейчас Делос был захвачен понтийцами, которые истребили на острове двадцать тысяч человек, в основном – римлян.

Заезжий двор "Веселая наядя" не особенно отличался от прочих подобных заведений для бедноты. Помимо обеденного зала тут имелась, гостиница с кишашими клопами комнатами. "Веселая наядя" была открыта и днем, и ночью. Народу тут всегда толпилось много, особенно осенью и зимой, поскольку подаваемая жратва, приготовленная, как кое-кто полагал, из пойманных на задних дворах собак, и фракийское кислое вино, которое в пятьдесят раз дешевле хорошего хиосского, были вполне по карману морякам, летний за-

работок которых стремительно таял в период вынужденного простоя.

Каждый год множество людей по всей Эгеиде оставались без работы: после восхода Арктура, могущественной звезды, несущей осенние бури, мало кто отваживался выходить в море. Матросы торговых парусников, бедняки, добывающие свой хлеб службой в качестве гребцов на военных кораблях, контрабандисты и пираты, маялись от безделья, пили, играли в кости, делали детей и занимались поножовщиной до последних дней месяца антестериона, когда торжественными жертвоприношениями Посейдону, обильными возлияниями и Играми открывалась навигация. Конечно, кое-кто рисковал сунуться в море и зимой, но кончалось это чаще всего печально.

Узнать "Веселую наяду" было довольно просто: над обшарпанной дверью висел деревянный щит с изображением голой девицы с рыбьим хвостом вместо ног и грудями размером с арбуз. Лицо девицы украшала улыбка с двумя рядами тщательно прорисованных зубов. Кто-то, столь же веселый, как и сама наяда, замазал один из них углем.

Злые языки поговаривали, что неизвестный художник, сотворивший сей живописный шедевр, срисовал лицо девицы с Толстой Трифены, хозяйки кабака. Эта сорокапятилетняя женщина слыла местной достопримечательностью. Говорили, что в молодости она была красавицей и умницей. Много лет назад ее почтенный родитель выдал дочь замуж за ари-

стократа Филомена, известного пирата. Пока Филомен бороздил Эгейское море сам за себя, его состояние неуклонно росло, но едва ему по какой-то причуде приспичило послужить своей родине, как вся удача кончилась и Трифена очень скоро сделалась вдовой. От денег мужа ей досталось совсем немного: благодарное государство, вдруг вспомнив, что проливший за него свою кровь покойный был пиратом, конфисковало все, до чего смогло дотянуться. Однако Трифену это не сломило. Благодаря своему уму и предприимчивости, она умудрилась выкарабкаться с самого дна и сейчас жила, вполне припеваючи, владея непривлекательным внешне, но весьма доходным заведением, имевшим, ко всему прочему, репутацию наиболее надежного узла в отношениях закона и лиц, не обременявших себя его соблюдением. Надежного, разумеется, в пользу последних.

В главном обеденном зале всегда, даже днем, царил полумрак, который не могли полностью истребить тусклые масляные светильники, расположенные вдоль стен. Зал заполнен грубо сколоченными столами. Возлежать за обедом здесь было не принято, места мало, да и много чести местным пьяницам. В углу зала располагался малый очаг. Другой, побольше, находился во внутреннем дворике.

В тот день, когда компания горемык добралась, наконец, до "Веселой наяды" народу там набилось еще не слишком много. Трифена хлопотала у малого очага с одной из рабынь-подавальщиц.

Десятка два небогато одетых моряков сидели за столами, заставленными кувшинами и глиняными мисками. Почти все пришли недавно, нажраться до скотского состояния еще не успели, а потому разговаривали не слишком громко. В углу скучал вышибала.

Аристид видел Трифену впервые. Определенно дама сия имела склонность к полноте, но вовсе не была необъятной толстухой, какой могла представиться незнакомому человеку, услышавшему ее прозвище. То, что с Эвдором она хорошо знакома, стало понятно сразу же. Увидев его, хозяйка всплеснула руками:

– Эвдор?! Ты жив?

– Что мне сделается? – заулыбался тот, – радуйся, Трифена!

– Да я уж радуюсь. Изю всех сил. Ты знаешь, что мы тебя уже похоронили?

– Да ну? Это хорошо.

– Чего хорошего?

– Как чего? Если я уже помер, то в ближайшем будущем мне это вторично не грозит. Что-то я не слышал, чтобы люди умирали дважды. Только кто такое про меня выдумал?

– Писистрат всем рассказывал, что тебя пустили на дно критяне с которыми ты что-то не поделил.

Услышав эти слова, Аристид покосился на Дракила. Тот фыркнул. Трифена посмотрела на него, нахмурившись, но ничего не сказала и снова обратилась к Эвдору.

– Писистрат даже эпитафию сочинил. Дай-ка припомню... – она прикусила нижнюю губу, посмотрела куда-то мимо бывших рабов и пропела, – критяне – все нечестивцы, убийцы и воры морские. Знал ли из критских мужей кто-либо совесть и честь? Вот и Эвдора несчастного, плывшего морем, с малою кладью добра, бросили в воду они²⁴...

– Да как ты смеешь, женщина, возносить хулу на критян?! – вспылил Дракил и подался вперед.

Эвдор придержал Дракила за локоть и, даже не взглянув на него, виноватым голосом сказал:

– Прости его, Трифена, он был слишком долго лишен достойного общества. Одичал.

– Прощу, – кивнула хозяйка, – если впредь он подумает, прежде чем разевать рот

Дракил неприязненно покосился на Эвдора, вырвал руку. Пререкаться, однако, не стал. Вожак махнул рукой подымавшемуся вышибале:

– Расслабься, Мегакл.

– Кто все эти люди с тобой, Мышелов? – спросила хозяйка.

– Мои новые товарищи.

– А Состен, Тевкр, и другие?

– Никого не осталось. Все давно сошли в Аид. Кому-то повезло – сложил голову в драке...

– Это ты называешь "повезло"?

---

²⁴ Стихи Леонида Тарентского.

– Да. Большинство сгнило в рудниках.

Трифена покачала головой. Помолчала.

– Полагаю, сейчас у тебя ни денег, ни команды? Как до Родоса-то добрался?

– На дырявой лоханке. Ты права, я нищий. Потому и пришел к тебе.

Трифена прищурилась, посмотрела на оборванцев, встретилась глазами с Аристидом.

– Понятно. Пойдем-ка. Мышелов, переговорим с глазу на глаз. Твоим велю пока вина вынести и пожрать что-нибудь.

– Ты само гостеприимство и великодушие!

Хозяйка взяла здоровяка под руку и повела куда-то через внутренний дворик. В дверях она притянула его голову к своему лицу и что-то сказала на ухо. Эвдор рассмеялся. Засмеялась и Трифена.

Вышибала краем глаза следил за оставшимися оборванцами, и помалкивал.

– Не слишком разговорчив, – высказал свое наблюдение Койон.

– И всех-то мы здесь знаем, – мрачно пробурчал Дракил, глядя в окно, – всюду здесь у нас друг, брат, почти сестра...

О чем Эвдор говорил с хозяйкой заведения, Аристид так и не узнал, но тем же вечером все бывшие рабы избавились от лохмотьев, получили чистую одежду. Трифена расщедрилась на бочку горячей воды и выделила безденежным постояльцам три комнаты без изысков, даже без кроватей, с одни-

ми тюфяками, набитыми соломой, которые уже к утру были обильно заблеваны: беглецы слишком давно не пили вина, потому здесь в сытости и безопасности, как с цепи сорвались. Аристида спутник Диониса Акрат, даймон неразбавленного вина, уронить не смог. Собственно, потому его и прозвали Пьяницей, что он мог, не пьянея, слопать столько, сколько не под силу даже верзиле втрое его тяжелее. Когда все товарищи храпели вповалку, пуская слюни, Аристид подхватил под руку рабыню-подавальщицу и утащил с собой в пустующую комнату на втором этаже (он уже все окрестности разведаль). Откуда поутру она выползла, потягиваясь, как сытая и довольная кошка.

Эвдор ночевал у хозяйки, что стало в тот вечер предметом пересудов. Наутро он велел всем сидеть в кабаке, и не высовывать носа на улицу. Собственно, никто и не рвался – какие еще прогулки, когда лицо зеленое, а голова трещит, как будто по ней бьют кузнечным молотом. Вожак был трезв, как стеклышко, а Аристид, вот же счастливец, давно уже похвалявшийся, будто бы не знает, что такое похмелье, ныне на деле сие доказал. Они вдвоем отправились потолкаться в порту и на агоре.

Тамошнее столпотворение не позволяло допустить и тени мысли, будто Родос находится на осадном положении. Суматошная торговая жизнь не замирала ни на минуту, вопреки всем потугам понтийского флота. Со всех сторон несло: – Сталь халибска-а-я! Мечи, ножи, подходи, покупай!

– Чиню медные котлы! Чиню, латаю, медные котлы!

– Вино хиосское! Самое лучшее!

– ...и пятна у него, как у леопарда, по телу...

– Да ну, врешь, не может у зверей такой шеи быть.

– Клянусь Зевсом, сам видел, своими глазами! Десять локтей!

– А только что говорил, будто пять...

– ...мечи испанские! Халибским не чета!..

– ...вах, не проходи мимо, дорогой! Кинжал по руке подберем, от любого оборонишься!

– Извини, уважаемый, мне знающие люди говорили, в Испании кузнецы получше будут.

– Что? Не слушай этого песьего сына! Любого спроси, каково халибское железо²⁵!

– ...хлеб свежий! Подходи!

– ...и что же, она, как змея вьется?

– Нет, колом стоит, вообще не гнется.

– А как тогда этот твой... жерав, пьет?

– Жираф. А он вообще не пьет, а только влагу с листьев слизывает.

– Врешь! Разве может лошадь, хоть и с шеей в пять локтей, этим напиться?!

– Так это и не лошадь...

---

²⁵ В Древней Греции сталь называлась «халибским железом» (халибас), поскольку именно этому племени, обитающему в Малой Азии, приписывается, по одной из версий, факт ее изобретения.

– Сам говорил, что на лошадь похож... А может, действительно, лошадь? Привязали к шее палку с башкой, обернули в леопардовые шкуры, вот тебе и твой жираф.

– Не может быть, я сам видел...

– Вот смотри, мим на ходулях, у него что, ноги в пять локтей? Эх ты...

На большом помосте жались друг к другу несколько десятков обнаженных рабынь.

– Рабыня-сирийка, обученная тридцати трем способам любви!

– Что-то она какая-то тощая. Цена?

– Четыреста денариев.

– Тебе голову напекло, уважаемый?! Этой худосочной красная цена – сто. Взгляни на нее, плоская, как доска. Ну-ка задом поверни ее...

– Зато шустра и искусна! Триста пятьдесят.

– Что-то не верится. Она, наверное, вообще девственница. Сто двадцать.

– Опытная, опытная, всеми богами клянусь, тридцать три способа...

– А чего она у тебя прикрыться пытается? Точно, девственница, стыдливая! Сто двадцать пять, больше не дам.

– В убыток не продам, она обошлась мне в двести.

– Может она музыкантша? Эй, девка, на флейте играть умеешь? Чего молчишь? Чего она у тебя, по-гречески не говорит?

– Чтобы на флейте играть, знать язык не надо, тем более на той, которая у тебя, уважаемый... ну ты понял, в общем.

– Иеродула в храме Афродиты дешевле обойдется.

– Так каждый раз платить, как приспичило, а эту купил и сколько хочешь...

– Зато, каждый раз – другую. Нет, мое слово последнее.

– Ну, взгляни на эту эфиопку, уж она-то покрупнее сирийки.

– Сколько?

– Двести пятьдесят денариев.

– А за сирийку просил четыреста, что так?

– Дикая совсем, не умеет ничего, зато смотри какие у нее...

– Это я вижу, да вот только, боюсь, зарежет на ложе в первую же ночь.

– Тьфу-ты, Кербер на тебя, не покупаешь, проходи! – купец отвернулся, потеряв всякий интерес к покупателю и снова заорал, – рабыня-сирийка, обученная тридцати трем способам любви!..

Проталкиваясь через торговые ряды в сторону юго-восточной городской стены, и вслушиваясь в многоголосый хор тысяч людей, зазывающих, торгующихся, обменивающихся новостями и сплетнями, Эвдор и Аристид различили нечто более важное, чем обсуждение прелестей рабынь или вероятность существования жирафов:

– ...на рассвете перешли реку, под дождем...

- ...все, как один бежали, убитых – тьма!..
- ...говорят, римляне построили вал с узким проходом и, заманив внутрь конницу, всех перебили!..
- А вон там говорят, что ночью реку перешли...
- Да врут, кого ты слушаешь! Я точно знаю!
- Сам, что ли, видел?
- ...царевич к отцу бежал, в Пергам...
- ...всех вырезали, до единого.
- Не может быть!
- Верно говорю! А Митридата на кол посадили.
- Римляне на кол не сажают.
- Ты мне не веришь? Да мне Архилох сказал, а он врать не будет!
- Эх, граждане, что теперь-то?
- Радоваться надо, Митридат мертв, победа!
- Ты его мертвым видел?
- Нет, конечно, где я и где он...
- То-то.
- Не Эвпатора убили, а сына его.
- Жив он, в Пергам бежал.
- А римляне что?
- Что-что... по пятам идут. Пергам уже осадили, небось.
- Да не, взяли уже! Под чистую разграбили, царя на кол...
- Ты-то почему знаешь?
- Да мне Архилох...
- ...а кто идет-то? Сулла?

– Сулла в Фессалии.

– Да ну? А кто тогда?

– Говорят, какой-то Фимбрий.

Аристид незаметно для развесившего уши селянина, торговавшего фисташками, запустил руку к нему в корзину и теперь лениво грыз улов, не особенно интересуясь военными слухами, однако вскоре заметил, что Эвдор слушает очень внимательно. Мышелов отловил пару сплетников и расспросил (те и рады были языками почесать).

– Ну, что говорят? – спросил его Аристид, сплевывая скорлупки.

– Какой-то римлянин по имени Фимбрия разгромил войско Митридата-младшего в битве на реке Риднак. Подробности противоречивы, но вроде бы понтийцы превосходили его числом, однако он их рассеял. При царском сыне полководцем-наставником состоял Диофант-синопеец. Опытный волчара.

– Наслышан, – кивнул Аристид.

– Говорят, вынесли с поля боя еле живого.

Эвдор, почему-то, был мрачен.

– Ты чего? – удивленно спросил его Аристид, – о понтийцах переживаешь?

Мышелов неопределенно мотнул головой. Они двинулись дальше, пробираясь ближе к порту. Здесь разговоры звучали еще интереснее. Эвдор совсем остановился, жадно ловя каждое слово.

– ...в военной гавани они, сам сегодня видел.

– Так тебя туда и пустили!

– Ну, не я, шурин мой, он в страже там служит у пирсов.

– Египетские это корабли, самая большая пентера – "Птолемаида".

– А ты откуда знаешь?

– Это Луция Лукулла корабли.

– Не было же у римлян флота здесь.

– Не было, а теперь есть.

– А я тебе говорю, египетские.

– Верно, египетские. Лукуллу их Птолемей Латир дал. А еще, говорят, многие с Крита и Кирены пришли.

– А я слышал, Лукуллу в Египте отказали...

– Ты там у трона стоял и все слышал?

– "Птолемаида" это, точно. Видел я ее много раз, я в Александрии каждый год бываю...

– ...Сулла со всеми сговорился, против Митридата...

– Не Сулла, а Лукулл.

– ...это верно, всем понтийцы поперек горла...

– ...что, прямо так и дал, даром?..

– Не даром, мало что ли римляне награбили в Дельфах и других местах. По всей Элладе храмы осквернены...

– Эх, пропала Эллада, нету больше свободы нигде.

– То-то она там была... У кого мошна, у того и свобода, а простому люду...

– ...Сулла строит флот в Фессалии.

– И наши, говорят, Лукуллу флот передадут. Дамагор скоро прибудет с тридцатью триерами, под его начало.

– Дамагора навархом нужно, разве эти римляне умеют воевать на море?

– Ну, они же били Карфаген...

– Так это когда было?

– Лукулл, говорят, уже заказал на верфях почтенного Крента десять пентер.

– А что, братья, скоро заработаем? Это ж сколько гребцов-то будут нанимать!

– Заработаешь, ты, как же... Я два года назад о весло руки в кровь стер и спину всю порвал, а что заработал? Как был в рубище, так и остался...

– ...а сколько их всего пришло?

– Говорят, два десятка.

– Больше! Два десятка у пирсов стоят. А в гавани еще столько же.

– Критяне, говорят, Лукуллу много кораблей дали.

– Это критяне-то? Пиратское гнездо! Всем известно, что Митридат пиратов под себя гребет.

– И верно, в Ликийском проливе, рукой подать, страсть, как много пиратов развелось. Понтийцев пропускают, прочих грабят, топят. Сговорились, ублюдки...

– Критянам Сулла, не иначе, хорошо заплатил, так бы не стали, против своих же...

– Да кто там у них свои? Там рожи, не поймешь, какого

роду-племени, как в котле намешано...

– И то верно...

Окончания разговора Эвдор не дождался, тот мог длиться бесконечно и сам собой тихо перейти на обсуждение чего-нибудь другого, например, цен на вино или бесстыдное поведение дочери купца Диотима. Эвдор уже услышал то, что его интересовало. Вместе с Аристидом они сходили в северную часть города, где располагался военный порт. Туда их, разумеется, не пустили, но Мышелов удовлетворился зрелищем выставленного у проходов охранения из римских легионеров вперемешку с воинами городской стражи.

– Не врут... – пробормотал себе под нос Эвдор.

– Да что ты так озаботился этими римлянами? – недоумевал Аристид, – какое нам до них дело. Если Лукулл снимет блокаду острова, нам только на руку сие. Проще будет свалить отсюда. Кстати, мы не решили главный вопрос – на чем будем убираться.

– На чем? – переспросил здоровяк, – пошли выбирать.

Они вернулись в торговый порт и еще час толкались порознь возле кораблей, высматривая и подслушивая разговоры моряков и купцов. Наконец, снова встретились нос к носу.

– Ну как, – спросил Эвдор.

– Что-то глухо, – нехотя признался Аристид, – а у тебя?

– А я присмотрел кое-что, – он потянул Аристида за локоть и, стараясь не привлекать внимания, показал на один

из стоящих у пирса парусников, с которого рабы сгружали на берег какие-то амфоры, – смотри, какая красивая лошадка. Только и ждет, чтобы ее толковый всадник взнуздал. Не большая, не маленькая, всего в ней в меру, как раз для нас.

На борту судна черной краской была нарисована скачущая лошадь.

– "Меланиппа", – сказал Эвдор, – принадлежит некоему Филиппу из Истрии. Я к нему почти уже нанялся.

– Почти?

– Так-то он брать никого не хочет, говорит, не нужен никто. И смотрит подозрительно. Но это он еще просто не знает, как мы ему нужны.

– Сколько у него людей? Человек двадцать? Вдвое больше, чем нас. Если он не полный дурень, не возьмет совсем незнакомых людей. Я бы не взял.

– Я думаю, у него внезапно не окажется выбора. Они, северяне, выпить не дураки, а пьют все больше по-скифски. Ушибутся невзначай, до смерти, по дурной-то голове, – усмехнулся Эвдор, – вот он нас и примет с распростертыми объятьями.

– Вот так прямо и с распростертыми? – недоверчиво спросил Аристид.

– Нас ему порекомендуют уважаемые люди. Пошли к нашим, подробности по дороге изложу.

Когда они пришли в кабак, кое-кто из их товарищей уже приобрел некоторую осмысленность во взгляде. В почти пу-

стом обеденном зале за столом у маленького окна сидели двое. Один из них подпирал голову руками и изучал нацарапанные на столешнице надписи и рисунки непристойного содержания. Второй без всякого выражения наблюдал за немногочисленными посетителями у очага. При виде Эвдора и Аристида, он несколько оживился:

– Какие новости?

– Радуйся, Дракил. И ты, Гундосый, – Эвдор взял себе одну из кружек и плеснул в нее из кувшина темно-красной жидкости, – что это тут у вас?

– Местное, – пробормотал моряк со сломанным носом.

Прозвучало это, как "пестдое".

– Кислятида, – добавил Гундосый.

Эвдор отпил вино, покатал во рту, проглотил.

– Бывает хуже. Где остальные?

Дракил многозначительно поднял глаза к потолку. Со второго этажа явственно слышался скрип расшатываемого деревянного ложа и прерывистые женские вскрики.

– Это Койон проспался. Остальные все страдают.

– С кем это он там? – ревниво спросил Аристид, – с Левкостей?

– А пес его знает... – буркнул Дракил.

– Понятно. Значит, новости у нас такие: появился Лукулл.

Весь город гудит.

Дракил усмехнулся.

– Чтоб это узнать, даже не стоило выползать на улицу.

Дверь приоткрой и слушай, что мальчишки орут. Лукулл за-
явился... Тем хуже, Эвдор. Говорил я тебе, нечего здесь си-
деть. Отсвечиваем неприкрытыми задницами на весь Родос.
Надо было когти рвать прямиком на Крит.

– На этой лоханке? Сколько ведер вычерпали, пока сюда
дошли, не считал?

– И до Крита бы дошли.

– Ждут тебя там. У Лукулла корабли из Египта, Кирены,
Крита...

– Врешь!

– Один корабль в порту. На нем знамя. Вот такой знак,
– Мышелов пальцем прочертил по столешнице несколько
линий, которые в воображении собравшихся соединились в
изображение обоюдоострой секиры.

Дракил снова сплюнул на пол.

– Врешь! – повторил он уверенно, – римляне никогда
не договорятся с Волком. Тем более, против Митридата. А
больше не с кем на Крите договариваться. Не с царьками же
и олигархами недоделанными. Они давно уже все Волку зад-
ницу лижут.

– Ты же не знаешь, что ему предложили. Все продается и
покупается. И Ласфен в том числе.

– У тебя, Дракил, – усмехнулся Аристид, – есть прекрас-
ная возможность...

– Какая еще?

– Поступить на службу к римлянам. Глядишь, на надгро-

бии напишут – "друг римского народа". Ты же всегда мечтал о почестях.

– Иди ты к воронам...

Гундосый, убрал правую руку, приподнял голову и простонал:

– Газбегаца дада было. Гапгасда все...

Не удержав голову одной левой, Гундосый ткнулся носом в столешницу, громко хрюкнув.

– Переловили бы всех поодиночке, – рассудительно заметил Аристид.

Эвдор приподнял голову Гундосого за волосы, и положил обратно: тот спал, пуская слюни. Моряк покосился на компанию у очага, придвинулся к Дракилу и негромко произнес:

– Я тут видел замечательную посудину. Шестнадцативельсельный акат-афрак²⁶ из Истрии. Я прикинул, он может поднять пятьсот талантов²⁷. Прибыл только что. Я видел, как его разгружают.

– Ты предлагаешь его брать? Как?

– Я почти сговорился с купцом. Нужно, чтобы кое-кто из его людей протянул ноги. Нанимаемся к нему. Выходим в море, дальше все просто.

– Просто на словах, – скептически хмыкнул Дракил.

– Посмотрим, – усмехнулся Эвдор.

Филипп из Истрии пребывал в прескверном настроении.

---

²⁶ Афрак – корабль без сплошной палубы.

²⁷ Приблизительно 13 тонн.

Он возлежал возле столика с восхитительным опсоном²⁸ в хорошей компании, какую только мог обеспечить обеденный зал заезжего двора "У Посидея", но был мрачнее тучи. Ничто не радовало, ни соленые угри, ни золотистое хиосское, ни приятная беседа. Угри не лезли в горло, вино здесь на порядок лучше привезенного им самим на продажу, что невероятно раздражало, а беседа лишь отвлекала от собственных мыслей.

Дела шли из рук вон плохо. Филипп рассчитывал, что продолжающаяся война, смута и разорение Делоса, задерут цены на дорогие вина с островов, а нищающему населению по карману будет упиваться лишь фракийским. Его фракийским, которым забит весь корабль. Однако все оказалось с точностью наоборот. Отличный урожай на островах сбил цены настолько, что на фракийское почти никто не смотрит. Путешествие грозило обернуться колоссальными убытками.

– А я привез пеньку. Канаты и веревки. Все разошлось мгновенно, – похвалялся пьяный и счастливый купец из Гераклеи, возлежавший справа от Филиппа, – воистину, Агорей²⁹, я славлю тебя и принесу благодарственные жертвы по возвращению.

– Откуда такой спрос? – поинтересовался другой купец.

---

²⁸ Вторая перемена блюд во время обеда. Обычно в нее входили блюда из рыбы, а в зажиточных эллинских домах и из мяса. Первая перемена блюд, «ситос», обычно состояла из хлеба и оливок.

²⁹ Агорей – «Рыночный» (греч), эпитет Гермеса.

– Как, ты не знаешь? Архонты закладывают целый флот, во исполнение союзнического договора с Римом. Решение принято позавчера, когда я только разгрузился. Весь товар ушел за половину дня, какая удача! А какие деньги они готовы были заплатить!

Гераклеот запихал в рот несколько маринованных оливок с луком и разразился невыносимо длинной и запутанной тирадой, прославляющей богов, Лукулла и добрых родоссцев.

"Да чтоб ты провалился", – сжимал виски руками Филипп.

Невыносимо болела голова. Уже два дня, как пропали сразу четверо из его людей, и среди них кибернет³⁰ и проревс. Опытные моряки, исходившие Эгейское море и Понт вдоль и поперек, способные провести "Меланиппу" из Истрии хоть до Египта безо всякого перипла³¹. Ценнейшие люди...

– ...римляне совсем не умеют торговаться.

– Ты не прав, почтеннейший, – возразил толстяк, опоясанный широким тканым поясом, с которым он не пожелал расстаться даже за обедом, – вот, помню, дело было в Сиракузах. Один купец из Капуи...

– Так это Капуя, не Рим. Кампанцы³² те еще ворюги.

– Нет воров, гнуснее римлян. Те денежки, которыми сей-

---

³⁰ Кибернет (греч.) – кормчий.

³¹ Перипл – подробное описание морского пути – мели, приметы берегов и т.п. Древнегреческими моряками ценился гораздо выше карты.

³² Кампания – область в центральной Италии со столицей в городе Капуя.

час сорит Лукулл направо и налево, откуда они? Сулла ограбил Дельфы, святотатец! Как Аполлон попустил такое!

– Да, забыли боги про Элладу. Вот было раньше время... Читал я, двести лет назад, когда была большая смута и орды галатов с севера наводнили земли Фессалии и Македонии, их вождь разграбил Дельфы, так Аполлон низверг на варваров чуму, а Посейдон разверз земную твердь и многих истребил землетрясением.

– И множество эллинов вместе с ними. Чума, что, только варваров губила? Боги стерегут лишь свои храмы, а на нас, смертных, им наплевать, – сказал Филипп.

– Не богохульствуй! – ужаснулся гераклеот.

– Погибла Эллада, – снова вздохнул знаток древней истории, – растерзана варварами и собственными тиранами.

– Ужас, ужас, у меня родственники в Афинах. До сих пор не знаю, были или все еще есть.

– А вы слышали, корабль Салмоней Книдского пропал.

– В последнее время не штормило.

– Проклятые пираты!

Толстяк машинально погладил свой пояс, набитый монетами. Один из гостей, мужчина с изысканными манерами, одетый в дорогой темно-красный хитон, украшенный черным вышитым меандром по краю, окликнул хозяина:

– Любезный Посидей? Вели подать чаши для омовения рук.

Пришли рабы и расставили чаши с водой.

– Благодарю, хозяин, – мужчина снова повернулся к собеседникам, – пиратство очень прибыльно и всякий норовит им заняться. Я знавал купцов, которые при виде более слабого не брезговали грабежом. Совсем осталось мало честных моряков.

Филипп вздохнул:

– Да, где их взять...

К гостям подошел Посидей, хозяин заведения, и лично подал льняные полотенца. Услышав последние слова купца, он спросил:

– А что же, уважаемый Филипп, желаешь пополнить команду?

– Если б только... Мне нужен кормчий.

– Что же случилось с твоим? Я слышал, как ты раньше нахваливал его способности.

– Понятия не имею. Пропал. И с ним еще кое-кто из команды. Лежит, поди, в какой-нибудь канаве, убитый в пьяной драке. А мне что делать? Ума не приложу.

– Я мог бы порекомендовать тебе людей, – предложил Посидей.

Человек в темно-красном хитоне, откинул длинные волосы со лба и произнес:

– Сказать по правде, Посидей, мне тоже нужны люди. Ты ручаешься за тех, кого рекомендуешь?

– Разумеется, но надежных не так много...

Филипп встрепенулся:

– Нет, я первый! Мне в первую очередь!

– Хорошо, – учтиво согласился хозяин, – сколько тебе нужно?

– Четверых. Среди них есть опытный кормщик, хорошо знающий эту часть Эгеиды? Я так редко бываю на Родосе, ходил все больше на Делос. Мне бы только добраться до Скироса. А там мне хорошо знакомы берега, смогу сам встать на корму.

– Да, есть кормщик опытный. Зовут его Эвдором. Исходил море вдоль и поперек. Сейчас он без работы. Купец, его обычный наниматель, вконец разорился.

– Эвдор? – переспросил Филипп, – я слышал это имя. Два дня назад ко мне в порту набивался некий Эвдор. Не тот ли?

– А как он выглядел?

– Ну... Здоровый такой парень, голова бритая, одет был опрятно. Лицо еще такое... располагающее, добродушное.

– Похоже, мы говорим об одном человеке, – кивнул Посидей.

– Но я отказал ему. Не рискнул связываться с незнакомцем, да и не было в том нужды. Тогда... – горестно вздохнул Филипп.

– Напрасно отказал, почтеннейший. Это очень опытный и надежный моряк.

– В таком случае, не мог бы ты устроить мне встречу с ним, достойный Посидей?

– Всенепременно, – пообещал хозяин.

Человек в темно-красном хитоне похлопал Филиппа по плечу:

– Почтеннейший, я бы советовал тебе набрать людей побольше. Кругом пираты, будь они прокляты.

– Спасибо, друг. Пожалуй, много разумного в твоих словах, но я поиздержался, торговля шла неважно...

– Но все же, жизнь дороже денег, – усмехнулся Аристид.

Глава 4

– И что, вас снабдили деньгами за красивые глаза? – спросил Лидон.

– Может и так, – без тени улыбки ответил Аристид, – но, думаю, скорее всего, Эвдор потрянул своих старых должников.

– Скорее всего?

– Он не делился подробностями дела.

– Это какие же у него были должники, что вот так запросто денег хватило на судно?

– Не сразу и не запросто. Эвдор встретил старого знакомого, с которым прежде вел совместное дело.

– Такого же разбойного?

– Ну что ты заладил, почтеннейший? – поморщился Аристид, – торговца вином. Некого Филиппа из Истрии. У того дела шли неважно, он попал в большие убытки, часть команды разбежалась, он даже не мог покинуть остров.

– И тут ему несказанно повезло, – усмехнулся Лидон.

– Именно так, – серьезно кивнул Аристид, сделав вид, что сарказм не заметил, – повезло. И команда пополнилась. За нами еще несколько человек увязались из безработных моряков.

– Стало быть, вы нанялись к этому Филиппу? – уточнил Лидон.

– Примерно так, – уклончиво ответил Аристид.

– А недавно ты сказал, будто корабль вы купили.

– Ловишь на слове, уважаемый? – улыбнулся Пьяница.

– Ну что ты, конечно же нет, – протянул Тиберий с ехидной ухмылкой, – но сию непонятность все же разъясни. Дабы я проникся к тебе еще большим доверием.

– Это несложно, – ответил Аристид, – Эвдор выкупил долю в навклерии. Равную часть. То есть, мы как бы и корабль купили, но не совсем. Вроде как составили эту... как там, по-вашему? Коллегию. Да, торговую коллегию.

– На деньги, выбитые из должников?

– Филипп и сам был ему должен.

– Что-то я смотрю, вашему Эвдору кто только не должен, – проворчал Тиберий, – не потому ли его постарались убрать туда, откуда не возвращаются?

Аристид молча развел руками.

– Ладно, складно звонишь. Надеюсь, твои слова подтвердят другие.

– А как же, – после недолгой паузы ответил Аристид.

Ждать пришлось долго. Гундосый весь извелся и Аристиду даже пришлось рявкнуть на него (подобное Пьянице было несвойственно), чтобы перестал ныть.

Они второй час качались на волнах в паре стадий от берега на своей протекающей посудине и изрядно нервничали. Было с чего – совсем недавно неподалеку прошла триера.

– Родосцы, – сказал Аристид, – красная роза на парусе.

Патрульные на их суденышко внимания не обратили, еще не хватало отвлекаться на рыбаков. Ну не пираты же там, в самом деле? Так близко от города, на такой утлой лоханке, среди бела дня, когда в море не протолкнуться от кораблей морской стражи...

Триера удалилась на запад, а еще через некоторое время Гундосый увидел приближающееся с востока судно.

– Вроде идет.

– "Меланиппа?" – уточнил Аристид.

Гундосый отчаянно шурился.

– Да, она самая.

– Все под рогожу. Пошевеливайтесь. Гундосый, ты куда полез? Забыл? Мы с тобой тонем.

Одноухий Акаст, спрятавшись под рогожу, шевелил рулевым веслом, словно рыбьим хвостом и судно худо-бедно сопротивлялось волнам. Эвбеец Телесфор невозмутимо пробовал пальцем острие меча, а сириец Датамихр что-то беззвучно бормотал. Не иначе – молитву. Остальные молчали.

К ним действительно приближалась "Меланиппа". На борту ее, как позже узнал Аристид, в это время происходило следующее:

– Тонут, что-ли? – высказал предположение один из матросов Филиппа, глядя на двух рыбаков, отчаянно машущих руками. Их небольшое беспалубное суденышко сидело в воде так низко, что уже и борта было непросто разглядеть.

– Поможем? – спросил Эвдор.

Костяшки его пальцев, сжимающие рукояти рулевых вёсел, побелели от напряжения.

– Нет, – отрезал купец, – некогда.

– Потонут ведь.

– Сами виноваты, пусть рыбу за борт выкидывают. Вон сколько наловили, по самые борта.

– Где рыба-то? – спросил один из матросов.

– Да вон, видишь, рогожами укрыта.

– Потонут, – уверенно сказал проревс-впередсмотрящий.

– До берега недалеко, доплывут.

– Лоханку жалко. И улов пропадет. По миру люди пойдут.

– Я что, – огрызнулся купец, – всех страждущих обязан одарить своей добротой? Потонут – сами дураки. Еще от Родоса не отошли, а то один остановит, то другой...

Полчаса назад их догнала патрульная триера. Ничего подозрительного родосцы не нашли и проследовали прежним курсом, но бесцеремонный досмотр совершенно вывел купца из душевного равновесия.

Утром Филипп восхищенно цокал языком, глядя, как Эвдор лихо вел акат по запруженной большими и малыми судами Торговой гавани. Тогда он радовался ценному приобретению, ныне же внезапная сердобольность нового кормчего купца раздражала.

К Филиппу нанялись четверо. Одного из них, именем Дракил, кормчий отрекомендовал, как опытного проревса. Двое поступили в команду гребцами. Сейчас они отдыхали –

"Меланиппа" шла под парусами с попутным ветром. Мрачный сириец Фраат сел играть в кости с дугими гребцами. Четвертый из новичков, Койон, сидел на палубе рядом с Дракилом и от нечего делать наматывал вокруг левой руки канат.

Суда между тем, повинувшись воле Эвдора совершенно сблизилась.

– Помогите! – закричал один из "рыбаков", – тонем!

Филипп, наконец, обратил внимание на то, что кормчий правит к рыбакам по собственной инициативе.

– В сторону! В сторону отваливай! Чего ты к ним прицепился? Левее уходи!

Второй "рыбак" бросил на "Меланиппу" конец каната, а Койон машинально его поймал. Один из матросов двинулся к Койону по банкам для гребцов, соединявшим борта аката вместо палубы, настеленной лишь на носу и корме.

– Бросай его, чего схватил?

Койон проигнорировал его слова, подтягивая рыбаков к акату.

– Ты, как там тебя, придурок? Бросай канат! Хозяин не велел помогать им!

Проходя мимо Фраата, матрос неожиданно споткнулся и упал, разразившись бранью. Филипп бросился к Эвдору.

– Кормчий, ты что, оглох?! В сторону давай!

Эвдор рванул рукояти, заваливая судно вправо, по направлению к "рыбакам". Последовал глухой удар, от которо-

го многие на акате потеряли равновесие. "Рыбаки", напротив, несмотря на то, что их лоханка, казалось, вот-вот пойдет ко дну, словно ждали столкновения.

Аристид, как кошка, взлетел на борт "Меланиппы", вцепившись в хитон одного из матросов. Рывок, и тот полетел в воду. Мгновением позже на борту оказался и второй "рыбак", которому помог забраться Койон.

Сириец приложил сразу двоих гребцов об скамьи, одним прыжком оказался возле мачты, у подножия которой на специальной стойке висели несколько перевязей с мечами. Фрат выхватил из ножен клинок и полоснул им еще одного гребца по животу. Тот жутко заорал, вцепившись в края раны, и упал на колени. Филипп попытался отпихнуть Эвдора, но как-то безвольно обмяк и сполз на кормовую палубу, привалившись к борту.

Еще не все на "Меланиппе" успели сообразить, что происходит, как рогожи, укрывавшие рыбацье судно, полетели прочь и полтора десятка пиратов, прятавшихся под ними, с ревом устремились на борт аката.

Аристид и Гундосый, первыми перебравшиеся на "Меланиппу", уже вовсю рубили матросов мечами. Те, очнувшись от оцепенения, бросились к оружию. На носу Дракил проломил голову одному из них рукоятью якорного ворота, ударил второго, тот увернулся и вцепился критянину в горло. Сириец безнаказанно зарубил двоих, но теперь бился с дюжим гребцом, успевшим вооружиться. Другого гребца Кой-

он, напав сзади, душил толстым канатом, но противник ему попался сильный, ловкий и сумел вывернуться. Они упали, Койон треснулся затылком о край банки и потерял сознание. Эвдор, бросивший рулевые весла, ловко перехватил вооруженную мечом руку помощника Филиппа и вывернул ее так, что хрустнул локтевой сустав. Помощник взвыл. Эвдор подхватил меч, выпавший из разжавшихся пальцев, и рубанул следующего противника.

Изначально матросов "Меланиппы" было больше, чем пиратов, но те, за счет внезапности, в первые мгновения боя успели существенно сократить численность противника и теперь склонили чашу весов в свою пользу. Бой продолжался совсем недолго. Еще остававшиеся в живых матросы и гребцы, быстро осознав, что смерть уже дышит им в затылок, попрыгали за борт. Здоровяка-северянина, теснившего Фраата и легко ранившего его в бедро, убил Аристид ударом в спину.

Вскоре все было кончено. Дракил спихнул с себя неподвижное тело и вытер узкий кинжал об полу хитона убитого. Матрос со вспоротым животом корчился под ногами и выл, пытаясь засунуть внутрь выпадающие кишки. Гундосый прикончил его, после чего наклонился над Койоном, хлопал его по щекам. Тот промычал нечто нечленораздельное, мотнул башкой и разлепил веки. Гундосый помог ему сесть. Сбежавшие матросы плыли в сторону берега, некоторые из пиратов свистели и улюлюкали им в след.

Аристид прошел на корму, направляясь к белому, как мел Филиппу, все еще неподвижно сидящему у борта.

– Нет, – протянул руку раскрытой ладонью вперед Эвдор, – не трогай его.

Пьяница хмыкнул, но отступил в сторону. Подошел Дракил.

– Что ты собираешься делать с ним? – спросил критянин. Фраат красноречиво провел большим пальцем у горла и цокнул языком.

– Нет, – повторил Эвдор, – пусть живет.

– Сдался он тебе, – хмыкнул Дракил.

Аристид присел рядом с Филиппом на корточки и внимательно посмотрел на него.

– Не жалец. По любому, – вынес вердикт пират, – так плакался о своей тяжелой доле у Посидея, а тут такой удар. Посадим его в нашу лоханку, а Эвдор? Все равно нам не нужна. У нас теперь какая лошадка есть!

Аристид похлопал ладонью по красной от крови кормовой палубе "Меланиппы". Дракил хохотнул.

– Дай ему, Аристид, пару амфор его кислятины, пусть на Делосе толкнет! Вдруг, снова поднимется?

Филипп молчал, сжав зубы.

– Помогите ему, – сказал кормчий.

Двое пиратов из тех, что присоединились к команде на Родосе стараниями Трифены, подняли Филиппа и помогли ему перейти на рыбацкое судно, которое все еще болталось

возле аката, сцепленное с ним канатом. Купец не сопротивлялся и не говорил ни слова, но шел еле-еле, ноги не держали. Пираты оттолкнули посудину шестом. Эвдор подошел к борту.

– Ты неплохой человек, Филипп, хоть и собирался бросить несчастных рыбаков на произвол судьбы, – сказал кормчий, – жаль, что тебе так не повезло. Но ты слишком легковерен, для купца. Такое отличное судно, как "Меланиппа", не для растяпы, подобного тебе. Я бы даже отдал тебе твои амфоры, но ведь не продашь...

– Будьте вы прокляты, ублюдки! – прорыдал купец.

– Не беспокойся, – невозмутимо ответил Аристид, – мы уже прокляты. Всеми богами. Утешься тем, что пираты долго не живут. Но перед тем как отдать концы, мы на твоей лошадке немного погуляем.

– Да чтоб вы все упились моим вином и потонули в собственной блевотине, проклятые!

– А вот это вряд-ли, – усмехнулся Эвдор, – лично у меня другие планы.

– Давай, лови своих "дельфинов", пока не разбежались, – крикнул Дракил и, сунув два пальца в рот, засвистел.

"Меланиппа" удалялась, уходя на северо-восток, против ветра на веслах, с убранными парусами.

– Вены вскроет, – предположил Койон, работая веслом.

– Повесится, – возразил Гундосый, сидевший сзади.

– Заклад? – спросил Койон.

– Как пгавегишь?

– Ну да...

Теперь их было восемнадцать. При захвате судна трое погибли и уже отправились на корм рыбам, вместе с покойниками из числа команды Филиппа. Никто особенно не сожалел. Эти люди присоединились на Родосе и еще не были крепко спаяны с командой Эвдора. Обычные бродяги, еле сводившие концы с концами и ухватившиеся за возможность нажиться морским разбоем. Ни боевых навыков, ни хорошего оружия, смерть в первой же драке – так кончали очень многие из тех, кто стремился пополнить ряды алифоров³³. Но в желающих сделать этот столь опасный промысел своим образом жизни, никогда не было недостатка.

Их знали под разными именами: сицилийцы, иллирийцы, киликийцы, но принадлежность к какому-либо народу среди них чисто условна. Эллины, любители все раскладывать по полочкам, позабыв про свою обычную дотошность, не мудрствуя, распространили дурную славу морских разбойников на всех обитателей тех частей мира, где алифоры процветали.

Обширный берег, тянувшийся от Ликии на восток на четыре с лишним тысячи стадий, до Антиохии-на-Оронте, претендовавшей на звание крупнейшего города мира, после Рима и Александрии Египетской, именовался Пиратским. Страна, которой этот берег принадлежал, именуемая Ки-

---

³³ Алифор – в древнегреческом языке синоним слова «пират».

ликийей, считалась пиратским гнездом, а все киликийцы – разбойники. Вот он еще только до чеки тележной дорос, а уже будущий пират, потому что киликиец. Кто-нибудь видел честного киликийца? Правильно, не бывает честных киликийцев. Три худших слова в греческом языке есть на букву "К" – каппадокиец, критянин и киликиец.

Отчасти так и было, но, как и все в этом мире, раскрашенном отнюдь не в одни только черные и белые цвета, лишь отчасти. Нацию Пиратского берега уже столетия составляли не одни лишь родившиеся здесь, но многие пришлые, люди без родины, объединенные общим делом, которое в их глазах было источником пропитания не хуже мирного земледелия или скотоводства, разве что более опасным. Они носили имена сотни разноязыких племен, но объединяющим языком был греческий, давший им, помимо прочего, и общее название – алифоры.

Такая сомнительная честь досталась Киликии, конечно не случайно. Издревле здесь проходил один из главнейших торговых путей, из Египта и Финикии в Элладу. Где овцы, там и волки, а кое-кто из овец при определенной удаче и сам был не прочь показать клыки, ограбив более беззащитного собрата.

Море бурлило жизнью. Дельфины-белобочки, вечные спутники кораблей, легко обгоняя медленно ползущую "Меланиппу", весело выпрыгивали из воды, в прозрачной толще которой виднелись темные спинки тунцов, частых спут-

ников дельфиновых стай. Над волнами носились крикливые чайки, ссорящиеся из-за добычи. Солнце, висящее в ослепительно-голубом небе, отражаясь в миллионах мягких зеркал, слепило глаза любому, кто рисковал бросить взгляд на сверкающую дорожку.

В проливе между Родосом и Ликией все лето дули этесии, северные сухие ветры. Морякам это было прекрасно известно и всякий, кто шел этим путем, стремился держаться ближе к малоазийскому берегу, прикрываясь им от неудобных ветров, как щитом. Знал об этой особенности пролива и Эвдор, но не только это вынуждало его держаться северного берега: родосская триера, остановившая "Меланиппу", была не единственным кораблем Морской стражи, на который можно нарваться в этих водах, а еще можно встетить корабли Ласфена или киликийцев, которые не погнушаются сожрать собрата. На фоне крутых берегов Ликии акат менее заметен, а встречаться с кем бы то ни было, в данный момент пиратам не с руки.

Несколько торговых парусников прошли навстречу, чуть кренясь на левый борт, с туго натянутыми парусами, наполненными встречно-боковым ветром. Хотя кое у кого из алифоров, окрыленных успехом и ослепленных жадностью, уже вовсю чесались руки, Эвдор совсем не собирался грабить кого бы то ни было прямо сейчас. В дымке на горизонте то и дело проявлялись длинные низкие силуэты боевых кораблей и Дракил, обладавший самым острым зрением, влезал на мач-

ту, стараясь получше их рассмотреть. Нанявшийся к Филиппу впередсмотрящим, критянин продолжал играть эту роль. Эвдор правил, остальные сидели на веслах, которых как раз хватило на всех.

Круто зарываясь носом в волны, "Меланиппа" шла вперед, а всех пиратов шилом в заднице мучил один и тот же вопрос: "А что же дальше?" Первым его высказал Койон, продолжая ворочать веслом:

- Дальше-то что, Эвдор? В Коракесион идем?
- Далековато, – прикинул Аристид.
- Нет, – коротко ответил Эвдор.
- Почему?
- А что там делать?
- Как что? Ты что, один охотиться будешь?
- Да.
- Совсем из ума выжил? Сосчитай, сколько нас!
- Я умею считать, Койон.
- Да ну? И много ты добычи возьмешь с такой командой, а? Пару рыбаков ограбишь?
- Людей еще наберем, охотники всегда найдутся.
- Ну, так и я о том же! Идем в Коракесион.
- Что тебя туда так тянет, Койон?
- К Зеникету он хочет, под крылышко, – сказал Аристид.
- Да! – важно заявил Койон, – хочу к Зеникету. Он человек уважаемый. И кораблей у него немало. Пристанем к нему, всегда будем в доле, всегда в выигрыше. Зеникета и

Ласфен боится, и Эргин. Все боятся. А если в одиночку, сгинем без толку.

– Сомневаюсь, чтобы Волк кого-то боялся, – возразил Дракил.

– А чего он с римлянами связался?

– Из страха, да, – покивал Дракил.

– Чтобы Зеникета боялся Эргин – давняя мечта самого Зеникета, – сказал Эвдор.

– Да вы... – задохнулся от возмущения Койон, – да сам Митридат его равным считает!

– Эдо во бдогом пгавда, – подал голос Гундосый, – Зедикед, почти цагь. У дего людей и когаблей – уйма.

– Скажи еще, Зеникет почти бог, равный Посейдону, – усмехнулся Эвдор.

– Я слышал, что он обосновался сейчас вовсе не в Коракесионе, – задумчиво сказал Аристид, глядя на горные пики Ликийи, – а на горе Феникунт. Там теперь его резиденция. Сидит себе на вершине, орел наш, и все море до Кипра, как на ладони.

– Я тоже это слышал, – сказал Дракил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.